

XI

408

408

144/942

49007

ПОЪЗДКА

ВЪ ВОЛЬНУЮ СВАНЕТІЮ

Полковника Бартоломея,

въ 1853 году.

15126

КАРТА
ВОЛЬНОЙ СВАНЕТИИ

№ 104 по указу Николаевича Дарьинского
 1833 году
 Масштабъ 1:100,000

364035930
303-0090930

ПОЪЗДА ВЪ ВОЛЬНУЮ СВАНЕТІЮ (*).

Прошедшее лѣто (1855) въ Боржомѣ ознаменовалось однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и странныхъ событій, которыя могутъ случаться только на Кавказѣ.

Въ зданіи минеральныхъ водъ, на берегу вытекающаго изъ сжатаго ущелья, шумнаго потока Шависъ-цхали совершился обрядъ таинства Св. Крещенія надъ семью дикарями пришедшими изъ снѣжной, недоступной *Вольной Сванетіи* прямо къ Кавказскому Намѣстнику, съ просьбой пріобщить ихъ къ соуму таинствомъ освященныхъ христіанъ. Людямъ, знающимъ Кавказъ, извѣстно, что Сванеты составляютъ особое, неразгаданное горное племя, раздѣленное на три вѣтви, образующія три отдѣльныя Сванетіи: *Килжескую* (князей Дадивкиліановъ), *Дадіановскую* (Мингрельскихъ владѣтелей, князей Дадіанъ) и *Вольную*, частію доселѣ непризнававшую надъ собой никакой власти.

Пріютившись у подножія громаднаго Эльбруса, къ юго-восточному его отклону, у самыхъ верховьевъ Ингура и Цхенис-цхали, Сванеты, отдѣленные самой природой отъ привольной жизни приморскихъ долинъ Мингреліи, невольно возбуждаютъ любопытство и своею недоступностью, и своими дикими правами и сохранившимися о нихъ на Кавказѣ слухами. Въ народѣ живетъ преданіе, что царица Тамара часто бывала въ Сванетіи и обогатила ея памятниками и церквами; существуетъ даже мнѣніе, что

(*) Изложеніемъ предлагаемой статьи я обязанъ дружескому содѣйствію Графа В. А. Солмоуба. И. Б.

прахъ великой жены покоится въ любимой ея сторонѣ. Но суровая горная природа остановила развитіе началъ благоденствія и просвѣщенія. Христіанская вѣра, первый ихъ двигатель, мало-по-малу начала ослабѣвать въ Сванетскомъ народѣ по недостатку рукоположенныхъ и грамотныхъ священнослужителей. Въ то же время непреступность самаго жилища отразилась въ характеръ жителей. Духъ независимости разобщилъ Вольную Сванетію отъ ея сосѣдей, и нравы ея обывателей до того огрубѣли, что они приняли въ обыкновеніе умерщвлять новорожденныхъ дѣтей женскаго пола.

Сохраняя еще отдаленныя преданія христіанства, они замѣнили ихъ суевѣріями и ожесточеніемъ, и замкнулись въ гнѣздахъ, куда бываетъ безопасный входъ только въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ году. Однако нѣкоторые отважные исполнители правительственныхъ распоряженій проникали въ часть этой таинственной обители. Въ Вольной Сванетіи памятно имя бывшаго Кутаискаго Вице-Губернатора Полковника М. П. Колюбакина. Онъ въ 1847 году, первый изъ Русскихъ, посѣтилъ этотъ край. Семь обществъ при немъ изъявили покорность Правительству. Тогда къ нимъ былъ назначенъ Приставомъ Поручикъ князь Микеладзе. Онъ, пробывъ тамъ всю зиму, еще присоединилъ два общества къ своему Приставству. Но остальные два общества, и при томъ самыя значительныя, отклонили предлагаемое имъ посѣщеніе, — такъ, что они по нынѣ оставались совершенно неизвѣстными и не обследованными.

Неожиданное появленіе въ Боржомѣ семи Вольныхъ Сванетовъ вдругъ послужило доказательствомъ, что какъ ни высоки горы, ни безотрадны ихъ сѣвѣжныя пустыни, но что и до нихъ доходить лучъ святой истины, и въ нихъ теплится потребность частаго духовнаго наставленія. Умилительнымъ зрѣлищемъ было крещеніе отчужденныхъ отъ свѣта людей, невѣжественныхъ, и почти первобытныхъ.

Самъ Намѣстникъ, Князь Воронцовъ, и супруга его, въ кругу сановниковъ и приближенныхъ, были въ числѣ воспріемниковъ. Обрадованные, обласканные, обдаренные Сванеты вернулись въ свои горы рассказывать о новомъ пролившемся на нихъ свѣтѣ, о новыхъ родныхъ своихъ по духу ученія Христова, о заботливости ими внушенной, объ отеческомъ приѣмѣ ими испытанномъ. Такимъ образомъ прерванная связь между забытымъ въ горахъ народомъ и его братьями возобновлялась во имя Того, кто принесъ Вселенной слова мира и любви. Происходившее въ Боржомѣ торжество, связывая духовными узами одичавшее населеніе съ представителями Державной мысли и Державной власти, открывало очевидно доступъ въ край неизвѣданный, доступъ, дотоле загражденный и враждебною природою и вѣковыми предубѣжденіями.

Въ то самое время я пріѣхалъ изъ Чечни въ Боржомъ и имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ трогательнаго обряда. Сванетія издавна занимала меня, какъ одинъ изъ неразрѣшенныхъ вопросовъ Кавказа. Къ тому же, для меня, какъ для искателя древностей, она обѣщала цѣлую жатву археологическихъ драгоценностей. Князь Намѣстникъ благоволилъ предложить мнѣ поѣздку въ Вольную Сванетію, вмѣстѣ съ поручикомъ княземъ Микеладзе, который, бывъ за 5 лѣтъ передъ тѣмъ приставомъ въ большой части Сванетіи, снова назначался на ту же должность.

Сборы наши продолжались недолго. Наступала половина Іюля мѣсяца, т. е. лучшая пора для переезда черезъ горы въ Кавказскую Лапландію, заносимую снѣгами въ теченіе десяти мѣсяцевъ.

Князь Микеладзе уѣхалъ впередъ. Вслѣдъ за нимъ я выѣхалъ изъ Боржома 15-го Іюля. Мы съѣхались въ Кутансъ, откуда нашъ поѣздъ тронулся 21-го. Экспедиція, впрочемъ, начиналась въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. При князѣ Микеладзе находился его племянникъ, князь Залика, (т. е. Захарій) и донской казакъ. При мнѣ состоялъ мой неизмѣнный деньщикъ Климовъ, съ истиннымъ

сожалѣніемъ взирающей всегда на мою страсть къ павли-
сямъ и къ насѣкомымъ. Шестіе открывалось двумя, на-
выоченными разными пожитками, лошадьми, которыхъ
гнали въ нашихъ глазахъ цѣпіе проводники.

Къ вечеру 21-го Юлія мы пріѣхали въ Горди, лѣтнее мѣсто-
пробываніе Минирельскихъ Владѣтелей. Къ общему при-
скорбію Владѣтель былъ уже болѣнъ той неумолимой бо-
лезнью, которая должна быть свести его въ рановремен-
ную могилу. Мы не могли, следовательно, видѣть владѣ-
тельныхъ хозяевъ, но душевно пріобщились къ тому тре-
вожному, горестному безпокойству, которое ложилось уже
на весь край. Озабоченные братья покойнаго князя Да-
діана, князя Григорій и Констанція, грустно меня при-
вѣтствовали, но, и при томившемъ ихъ опасеніи, не забыли
своихъ Мингрелин радужія и гостепримства. Они
предложили мнѣ катера, лошадей и провожатыхъ для
дальнѣйшаго нашего пути. 23-го мы отправились въ до-
рогу со стѣпеннымъ сердцемъ и тяжкимъ, къ сожалѣнію
скоро оправдавшимся, предчувствіемъ.

Выѣхавъ изъ Горди 23-го Юлія, въ полдень, мы начали
незамѣтно подыматься по живописнымъ лѣсистымъ предго-
ріямъ, вверхъ по теченію рѣки Цхенис-цхали. Провѣхавъ
не болѣе 20 верстъ, мы остановились, для ночлега въ се-
леніи Окуреша, гдѣ былъ некогда принадлежавшій Владѣ-
телямъ большой деревянный домъ, нынѣ совершенно раз-
валившійся. Погода стояла прекрасная. Мы расположились
на чистомъ воздухѣ, развели на всякій случай огонь и,
поужинавъ отлично, благодаря мѣстному хлѣбосоельству,
заснули на коврахъ. На другой день мы снова пустились
въ путь.

Ѣхали мы такими же лѣсами, по теченію той-же рѣки;
любовались вправо и влево внезапно открывавшимися
ущельями, гдѣ иногда, изъ подъ дремучей зелени, видѣ-
лись небольшіе тесовые домики. Около полудня потѣлъ
прибылъ въ селеніе Мури, къ мѣсту ночлега. Тутъ, на
гладкой полянѣ, у подножія высокой тѣсной горы, увын-

чашиной большимъ замкомъ, служащимъ и донынѣ прохода мѣстомъ заточенія, красуется большой деревянный дворецъ, весь изукрашенный рѣзьбою въ турецкомъ вкусѣ. Мурскій моуравъ, князь Пагава, статный, черноволосый мужчина, привѣтствовалъ насъ съ тѣмъ достоинствомъ и, въ тоже время, съ тѣмъ доброжелательствомъ, коихъ сочетаніе я видѣлъ только на Кавказѣ. Онъ повелъ насъ къ Архимандриту, проживавшему недалеко отъ дворца, около древней церкви, описанной неутомимымъ Академикомъ, Г-мъ Броссе, и о которой я, следовательно, распространяться не буду. Архимандритъ ласково насъ принималъ, угостилъ обѣдомъ и благословилъ на дальнѣйшій путь. Благословеніе было вовсе не лишнее. Уже на слѣдующій день путь намъ предстоялъ не легкій; съ опасностями на каждомъ шагѣ, мы должны были пробираться по отвѣсной крутизнѣ, высоко торчащей надъ теченіемъ Цхенись-Цхали, которая въ этой мѣстности, будучи уже довольно близка къ своему истоку, бѣшено низвергается съ горъ, шелкая каменьями и пробивая себѣ путь сквозь исполнинскую трещину ущелья.

Послѣ мирнаго ночлега въ Мури, послѣ безмятежной бесѣды съ Архимандритомъ, мы провели день 25-го Юля среди вѣсхъ ужасовъ Кавказской природы. Дорога вилась узкой тропинкой, мѣстами заваленной деревьями и падающими съ теменн горъ обломками скалъ надъ пропастью, нависшей надъ рѣкой. Къ счастью мы были все уже люди привыкшіе къ подобнымъ путямъ сообщенія. Намъ сопутствовали князь Пагава и, случившійся въ Мури, Лашхетскій мдивашъ-бегъ(*)Иванс. Они въжливо вызъжали впередъ надъ обрывами и указывали намъ удобнѣйшія для провѣзда мѣста. Между тѣмъ мы постепенно подымались; густая листовенная растительность уступала мѣсто суровымъ хвойнымъ деревьямъ, служившимъ явнымъ признакомъ, что мы уже находимся на возвышенности довольно значительной. На пол-дорогѣ къ Лентехи поразилъ насъ, по пра-

(*) т. е. Участковый Начальникъ.

вую руку, по ту сторону рѣки, великолѣпный водопадъ, который широкой, прямой, отвѣсной струею падалъ по воздуху съ одной скалы на другую. Дугу паденія струи, по глазомѣру, можно опредѣлить покрайней мѣрѣ въ 20 сажень. Въ Швейцаріи подобный водопадъ возбуждаетъ вниманіе и удивленіе всего путешествующаго міра. Здѣсь онъ громаднѣе, но никому не извѣстенъ. Туземцы не понимаютъ, чѣмъ тутъ можно восхищаться и съ удивленіемъ смотрѣли на мой восторгъ.

Потерявъ водопадъ изъ вида, мы спустились къ самой рѣкѣ и тутъ, на небольшой лужайкѣ, пообедали, или, по усвоенному на Кавказѣ выраженію, закусили.

Впрочемъ я до того былъ пораженъ всею, мною видѣннымъ, что мнѣ было не до ѣды. Видя такое воздержаніе, туземцы спрашивали меня, получаю-ли я особыя деньги на кушанье,—и на мой отрицательный отвѣтъ замѣтили, что я ихъ дѣйствительно не заслуживаю.

Послѣ краткаго привала мы снова пустились въ дорогу, которая не измѣнялась ни по своимъ препятствіямъ ни по своей живописной обстановкѣ.

Такимъ образомъ дотащились мы, уже довольно поздно, на изнуренныхъ лошадяхъ, до селенія Лентехи, гдѣ уже начинается Дадіановская Сваветія. До того времени, съ самаго Горди, мы ѣхали по Леджгуму. Не вѣзжая въ самое селеніе Лентехи, мы остановились въ замкѣ, расположенномъ у слиянія двухъ рѣкъ: *Хеледули* и *Ллшкидера*, которыя не далеко отсюда впадаютъ въ *Цхенись-цхали*. Въ ночь погода сдѣлалась ненастною; дождь пошелъ ливнемъ, мы пріютились въ башнѣ, возлѣ замка, въ которомъ, какъ намъ сказывали, содержались преступники. Мдиванъ-бегъ Иване угостилъ насъ ужиномъ и хорошимъ виномъ. Вообще все Дадіановскіе подвластные отличаются своимъ радушіемъ, лучшимъ доказательствомъ коего можетъ служить слѣдующее обыкновеніе: когда туземецъ везетъ, или несетъ даже на плечахъ, бурдюкъ съ виномъ, онъ останавливается передъ всякимъ встрѣчнымъ знако-

мымъ и незнакомымъ, подаетъ ему чашку и предлагаетъ выпить сколько душъ угодно. Правда, по такимъ дорогамъ встрѣчныхъ бываетъ не много, и самое вино далеко не завидное; но, не менѣе того, наблюдатель не можетъ пропустить безъ вниманія этой рѣзкой черты народной щедрости.

26-го мы продолжали подыматься по гористымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ, вверхъ по рѣкѣ Цхенись-цхали, которая тутъ становилась все уже и стремительнѣе. Провѣхавъ селеніе Чолуръ и осмотрѣвъ его довольно замѣчательную церковь, мы достигли до замка Сванетскаго Князя Голдобхадзе. Хозяина, къ сожалѣнію, не было дома; на порогъ насъ встрѣтили его племянники; изъ дверей выглядывали Сванетскія княжны въ красныхъ шелковыхъ нарядахъ, сходныхъ съ грузинскими, но съ большими и низко подвязанными кушаками. У нихъ находился въ гостяхъ Вольный Сванеть Ипарекаго общества, Азнауръ, (дворянинъ) Сурамъ Курдіани, знакомецъ Князя Микеладзе, которому онъ весьма обрадовался. Курдіани—молодой человекъ, лѣтъ 19-ти, высокій, статный, блѣлокурый, съ большимъ орлинымъ носомъ, веселый и шутливый; на немъ была синяя суконная черкеска, сшитая довольно неуклюже, но отороченная серебрянымъ галуномъ. На головѣ его, на самой маковкѣ, вмѣсто шапки, лежалъ небольшой шелковый кружокъ, подшитый кожею. Кружокъ, не болѣе стариннаго пятака, подвязывался на подбородкѣ тоненькимъ чернымъ суркомъ. Этотъ странный головной уборъ, первообразъ Имеретинскихъ папанахъ, поразившій всѣхъ въ Боржомѣ своею оригинальностію, ничто иное, какъ самое первобытное метательное оружіе или праща, которою первые люди кидали во враговъ своихъ камешками. Впрочемъ, въ самой Сванетіи, многіе носятъ войлочные шапки, напоминающія формой извѣстныя въ археологін подъ названіемъ шапки Улисса. Между ними встрѣчаются тоже Имеретинскіе папанахи, сходные съ древнѣйшими Македонскими головными уборами.

3619357-40
3180191952

Мы воспользовались встречей съ молодымъ Сурамомъ, чтобы дать знать его соотечественникамъ о нашемъ проѣздѣ. Курдіани весело пошелъ съ этою радостною, какъ онъ отозвался, вѣстью. Сами мы рѣшились приостановиться на весь слѣдующій день у подножья перевала въ селеніе Сасаши. На пути къ нему мы были свидѣтелями самаго величественнаго зрѣлища: вправо отъ насъ нависли надъ горами грозныя тучи; сильныя громовыя удары, безпрерывно повторяемые ущельями, потрясали горы своими раскатами. Вдругъ гроза разразилась; молнія ударила въ стоящую на горной вершинѣ огромную сосну, которую вдругъ всю обхватило пламенемъ. Картина была необыкновенная. Вообще, ничто не можетъ быть великолѣпнѣе и поразительнѣе грозы посреди горъ. Мы любовались чуднымъ явленіемъ, и при томъ не испытали его неудобствъ. Гроза прошла мимо и мы благополучно и сухо прибыли вечеромъ въ селеніе Лашхети. Это селеніе находится близъ самаго источника Цхеннеъ-цхали, которая тутъ уже такъ узка, что черезъ неѣ переброшенъ мостикъ. Дома селенія, какъ вообще во всей Сванетіи, каменные, двухъ-этажныя, выбѣленные, съ крышами изъ аспидныхъ досокъ, съ окнами въ видѣ бойницъ, которыя въ особенности красиво втыкають, кое-гдѣ торчащія, высокія башни отчетливой и чистой кладки. Къ домамъ приставлены наружныя деревянныя лѣстницы; ихъ можно отбросить въ случаѣ нападенія, такъ, что каждый домъ, при надобности, обращается въ крѣпость. До Лашхети добъзжалъ, прославившій себя на Кавказѣ своими учеными изслѣдованіями, Академикъ Броссе. Нечего распространяться объ археологическомъ значеніи тѣхъ мѣстностей, куда проникъ его испытующій, до утонченности вѣрный и совѣтливый критическій взглядъ. Имѣвъ неоднократно случай убѣждаться, что тамъ, гдѣ онъ былъ, ничто не ускользнуло отъ его просвѣщеннаго вниманія, я почиталъ излишнимъ проверять уже сдѣланныя имъ наблюденія; но теперь, при вѣздѣ въ Вольную Сванетію, открывалась для меня

новая, незнакомая ученому академикку, страна: истинная археологическая terra incognita.

День 27-го Июля прошелъ въ прінсканіи лошадей для предполагаемой двухъ-недельной повздки въ край, гдѣ лошади уже почитаются рѣдкостью; однакожь намъ удалось нанять лошадей, и за плату, самую умеренную, а именно по 50 коп. за лошадь въ сутки; тутъ же мы взяли съ собою и переводчика, знавшаго грузинскій языкъ.

28-го Июля, утромъ, мы, возвратясь къ замку Лыджи, начали подыматься на Латнарскій переваль, служащій предѣломъ между Даліановской и Вольной Сванетіей. Черезъ этотъ переваль извѣстны только два пути: одинъ—лѣтній, довольно удобный, такъ что намъ ни разу не приходилось слѣзать съ лошадей; но этотъ лѣтній путь, проложенный по сѣдловинѣ горы, возможенъ только въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; въ остальное время года трещины его наполняются хрупкимъ, не замерзающимъ снѣгомъ, такъ, что подъ ногами сглаживаются пропасти и тогда на каждомъ шагу путнику угрожаетъ почти неминуемая смерть. Другой путь — зимній. Когда устанавливается зима, Сванеты переходятъ, влѣво отъ лѣтняго пути, черезъ самый гребень горы, на которой отъ настоящихъ вѣтровъ и отъ самаго свойства остроконечныхъ зубчатыхъ скалъ, снѣгъ не удерживается. Но этотъ путь возможенъ только для самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ пѣшиходовъ, которымъ, кроме неудобствъ отъ игловатыхъ скалъ, еще угрожаетъ та опасность, что на голой вершинѣ почти всегда, и въ особенности въ полдень, господствуетъ такой порывистый вѣтеръ, что онъ сшибаетъ съ ногъ самыхъ сильныхъ людей и сбрасываетъ ихъ въ кручу. Отважнѣйшіе туземцы рѣшаются на страшный путь только на разсвѣтъ, и то изрѣдка, и не безъ опасенія. Этимъ достаточно объясняются и нравы и замкнутость Вольной Сванетіи.

Мы ѣхали въ концѣ Июля, слѣдовательно совершенно безопасно; не думали о самосохраненіи и могли съ любо-

пытством разсматривать окружающую нас мѣтнотность. По мѣрѣ того, какъ мы подымались изъ Цхенись-цхальскаго ущелья, природа все болѣе и болѣе обнажалась. За лѣсами хвойными, по скатамъ горы зазеленѣли березы и кустарники; потомъ они стали рѣже. Мы перешли черезъ широкую полосу травъ и альпійскихъ злаковъ, потомъ показался мохъ и, наконецъ, мы очутились между дикихъ, голыхъ скалъ, покрытыхъ кое-гдѣ тающимъ снѣгомъ. На самомъ перевалѣ мы остановились. За нами, далеко у ногъ нашихъ, изгибалось лѣсистое Цхенись-цхальское ущелье, и бѣлыми точками сверкали башни его деревень; передъ нами, влѣво, возвышался суровый Эльборусъ, но не въ бѣлой шапкѣ, какъ онъ видѣнъ съ сѣвера а съ тремя зубчатыми, скалистыми и безснѣжными вершинами.

Мы въѣзжали въ Вольную Сванетію.

Тутъ любопытство мое невольно усилилось и я сталъ внимательнѣе осматриваться. На самой вершинѣ перевала я замѣтилъ, что мы ѣдемъ по шифернымъ скаламъ черноватаго цвѣта, сквозь которыя проходили толстые пласты кварца, издали похожаго на бѣлый мраморъ.

Спускъ по ту сторону Латпарской горы покатье и значительно короче подъѣма. Очевидно, долина, въ которую мы спускались, гораздо возвышеннѣе Дадіановской Сванетіи. Передъ нами открывалась новая великолѣпная панорама. Впереди, немного влѣво, торчали грозные зубцы Эльборуса, (см. фигуру 1-ю между рисунками, приложенными въ концѣ этой статьи), отъ котораго на обѣ стороны тянулись волнообразныя бѣлыя гряды главнаго Кавказскаго хребта, замыкавшаго небосклонъ. Прямо передъ нашими глазами возвышалась огромная коническая гора, до половины покрытая вѣчными, ослѣпительными снѣгами. Эта гора, которую туземцы называютъ *Адышба*, служитъ главнымъ водораздѣломъ Вольныхъ Сванетскихъ Обществъ, расположенныхъ въ 11-ти отдѣльныхъ группахъ, по теченіямъ Ингура, рѣки Мульхре и ихъ притоковъ. Вправо открывалось ущелье, надъ которымъ въ отдаленіи видѣлась

скалистая вершина *Читхару*. У ногъ вашихъ, какъ на ладони, обозначались, по изгибамъ вытекающаго, по правую руку, изъ снѣжнаго ущелья, *Ингура*, сплошныя деревеньки и бѣлыя башни трехъ отдѣленныхъ другъ отъ друга обществъ: *Кальскаго*, *Ушкульскаго* и *Инарскаго*. Надъ ними лежить пѣстрая, безлѣсная полоса покосовъ и пахатныхъ полей; надъ полями зеленая лента густаго лѣса, большею частію березоваго; надъ лѣсомъ горныя травы и вѣчный снѣгъ. При видѣ родной березы и бѣлой зимы, невольно сердцу моему сказалося о далекомъ Сѣверѣ. И береза и снѣгъ имѣють особую, какую-то чарующую прелесть для русскаго челоуѣка; правда, кромѣ этихъ двухъ признаковъ, ничто не напоминало про холодныя равнины нашей родимой Руси. Взоръ заблуждался между этими громадными, исполинскими, изволнованными, измученными твердынями, между конми, среди бѣлбующихъ селеній, рвался *Ингуръ*, а надъ *Ингуромъ*, на отдѣльной скаль, возвышались развалины дворца *Тамары*, не далеко отъ храма, гдѣ, по народному преданью, покланяется ея прахъ.

Между тѣмъ мы начали спускаться; на встрѣчу къ намъ выѣхалъ знакомецъ нашъ *Курдіани*, на довольно порядочной лошаdkѣ, что для *Вольнаго Сванета* было самымъ крайнимъ признакомъ роскоши. Во всей *Вольной Сванетіи* считаютъ отъ 12 до 20 лошадей. Для работъ употребляютъ длинношерстныхъ воловъ, которыхъ впрягаютъ въ сани, потому что въ цѣломъ краѣ арбы не извѣстны и нѣтъ ни одного колеса. Вмѣстѣ съ *Сурамомъ* посѣщали насъ встрѣтити нѣсколько челоуѣкъ туземцевъ. Они радушно насъ привѣтствовали и благодарили за посѣщеніе. Князь *Микеладзе*, желая придать болѣе оффиціальной важности моему прибытію, поскакалъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ встрѣчу. Я переѣхалъ по довольно хорошему мосту чрезъ *Ингуръ* и вступилъ въ селеніе *Довберъ*, *Кальскаго Общества* (см. *фиг. подѣ № 2*). Тутъ ожидали меня старики и сельскіе почетные люди съ хлѣбомъ и солью, а во главѣ ихъ, въ мундирѣ и въ шарфѣ, стоялъ князь *Микеладзе*, который почтитель-

но подавъ мнѣ рапортъ о благосостояніи Вольной Сванетіи, т. е. края, до сего времени почти загадочнаго.

Этотъ церемоніаль произвелъ, по видимому, самое выгодное впечатлѣніе. Старики, видя мои полковничьи эполеты и крестъ на шеѣ, отозвались, что они, высоко цѣняя вниманіе князя Намѣстника, приславшаго къ нимъ такого значительнаго чиновника. Въ особенности они радовались вторичному назначенію князя Микеладзе къ нимъ приставомъ. «Теперь» говорили они, «и кровомщеніе между нами уничтожится, и порядокъ у насъ будетъ». Въ особенности еще упоминали они съ восхищеніемъ о приѣмѣ, оказанномъ въ Боржомѣ ихъ соотечественникамъ, хотя представителя собственно ихъ общества тамъ не было. Они сознавали спасительное вліяніе Христіанскаго ученія и тутъ-же показывали мнѣ дѣвочекъ, хвастаясь, что оставили ихъ живыми по совету своего прежняго и нынѣ вновь надъ ними поставленнаго начальника. «Не будетъ надобности», присовокупили они, «нашимъ сыновьямъ покупать или красть себѣ женъ за горами». Несмотря на это помилваніе женскому полу, я замѣтилъ, что многіе жители заботливо держали на рукахъ и съ нѣжностью нянчились однихъ мальчиковъ. Этимъ замѣтнымъ отеческимъ пощеніемъ отличаются, сколько мнѣ кажется, Сванеты отъ прочихъ горцевъ, и даже Закавказцевъ, которые передаютъ сыновей своихъ воспитателямъ, и даже стыдятся оказывать имъ вниманіе при постороннихъ. Самый обрядъ крещенія у Сванетовъ, при настоящемъ упадкѣ христіанства, свидѣтельствуетъ о надеждахъ, полагаемыхъ на сыновей и о постоянной мысли отцевъ. Обрядъ заключается въ томъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули, одну за себя, другую за него. Эти двѣ пули выражаютъ, какими узами связанъ отецъ съ сыномъ. Въ немъ онъ видитъ не работника, а помощика въ кровавомъ дѣлѣ кровомщенія, когда честь его затронута, когда плата за обиду становится ему дороже жизни.

Вечеръ прошелъ въ продолжительныхъ разговорахъ.

Для насъ, какъ водится, заръзали барана, и пошло потчиванье. вмѣстѣ съ шашлыкомъ подали намъ довольно дурной, испеченный безъ дрожжей, ржаной хлѣбъ въ видѣ комковъ. За немѣнѣемъ вина Сванеты пьютъ аракъ, который они гонятъ изъ проса, и до котораго — большіе охотники. Въ селеніи Довберъ около 20-ти дымовъ; въ иномъ домѣ, который попросторнѣе и съ башнею, живутъ два или три семейства. Въ домахъ комнаты просторныя и высокія, съ каменными полами, но стѣны и потолки до того покрыты копотью, что лоснятся и черны какъ уголь. Дрова жгутъ постоянно и почти всегда посреди комнаты, и отъ того каждое жилье принимаетъ видъ мрачный и до крайности неуютный. Я ни одного разу не рѣшался ночевать въ домѣ, а выбиралъ для ночлега какойнибудь сарай или навѣсъ. Наговорившись вдоволь съ моими новыми знакомцами, я улегся спать, въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой дань монастырь св. Квиркии, гдѣ, по дошедшимъ и до Вахуштія изустнымъ свѣдѣніямъ, хранилось 166 иконъ, вѣроятно въ окладахъ и съ надписями. Но тутъ я долженъ сознаться, что мои археологическія надежды должны были испытать довольно грустное разочарованіе. Какъ только солнце показалось изъ-за-горъ, я торопился уже своихъ проводниковъ; мы переправились снова черезъ вчерашній мостъ и начали подыматься на коническую, покрытую густыми и старыми елями, гору, въ сущности весьма высокую, но казавшуюся небольшимъ холмомъ посреди окружающихъ её великановъ. После двухъ-часоваго крутаго подъема по извилистой дорожкѣ, достигнувъ вершины горы, я увидалъ окруженную дремучимъ лѣсомъ ограду небольшого монастыря. Кстати надо замѣтить, что Кальское общество весьма жалуется на недостатокъ въ собственномъ лѣсѣ. На мое замѣчаніе, что мѣстность, по которой мы ѣхали, покрыта вѣковыми деревьями, провожатые отозвались съ удивленіемъ, что эта земля—принадлежность церковная и что на ней и прута вырубить нельзя, подъ опа-

еиіемъ гнѣва Божіа, коего самое страшное наказаніе посылается, по ихъ понятіямъ, въ видѣ града крупнѣйшаго и небывалаго размѣра.

У монастыря насъ встрѣтили семь человекъ *деканосовъ* семи селеній Кальскаго общества. Деканосы т. е. потомки прежнихъ рукоположенныхъ священнослужителей не отличаются ни одеждой ни образомъ жизни отъ своихъ соотечественниковъ. Они совершаютъ, по преданію, нѣкоторые обряды, до крайности искаженные, при чемъ бормочать молитвы, перемѣшанныя и утратившія смыслъ; они безграмотны, любятъ аракъ и, не смотря на свое званіе, не пользуются въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. Народъ понимаетъ ихъ ничтожное значеніе, и всегда называетъ ихъ въ шутку и насмѣшливо: *хуцеси* (священники), да и сами они сознають, до какой степени они недостойны своего наследственнаго, неоправданнаго званія. Монастырь Св. Квирики, почитающійся едва ли не первой святыней Вольной Сванетіи, далеко не представляетъ великолѣпныхъ размѣровъ сооруженныхъ въ Грузіи храмовъ временъ Тамары. Онъ заключается въ одной маленькой церкви безъ купола, съ небольшою башней. (См. между рисунками Табл. I, № 5-й). Церковь сложена изъ грубо-отѣсаннаго камня и окружена полуразвалившеюся, зубчатой и довольно высокой каменной оградой; вокругъ нея, въ низенькихъ каменныхъ кельяхъ, похожихъ на казематы, жили когда-то монахи, а нынѣ поочередно помѣщаются деканосы, стерегущіе эту уединенную обитель. У входа въ ограду деканосы предложили намъ умыть себѣ сперва руки и лице водою, наполнявшею большую мѣдную купель, служившую прежде для святаго крещенія, а нынѣ поставленную у воротъ для умовенія приходящихъ. Исполнивъ весь до послѣдняго сей обрядъ, мы вошли въ небольшую трапезу, которая примыкаетъ къ церкви съ южной стороны, и откуда пробита единственная дверь во храмъ. При самомъ входѣ я былъ пораженъ отвратительною нечистотою трапезы. Посреди видѣлись

ბაგრატიონთა
მეცნიერებათა
აკადემია

5126
15126
ფაქტ
15126
ფაქტ

остатки костра, кругом валялись кости въ грудяхъ сора. По всему потолку, на длинныхъ жердяхъ, висело множество роговъ, жертвуемыхъ туземцами по чувству благочестія. Въ этомъ капищѣ деканосы, вмѣстѣ съ приходщими богомольцами, готовятъ пищу, т. е. жарятъ шашлыки, пекутъ на плоскихъ камняхъ хлѣбы, такъ что дымъ проходитъ сквозь щели замкнутыхъ дверей и наполняетъ самую церковь. Я потребовалъ чтобы мнѣ еѣ отворили, и тогда между деканосами началась длинная церемонія. Они стали передавать другъ другу ключъ, отзываясь, что не достойны по своимъ грѣхамъ коснуться такой святыни. Послѣ довольно продолжительнаго спора, мы наконецъ вошли и едва не задохлись отъ пыли. Темнота, копоть, груды сора не позволяли сперва различить окружающихъ предметовъ; нужно было зажечь свѣчу, и тогда я убѣдился, что въ эту церковь едва-ли могутъ вмѣститься 50 человекъ. Больше всего обратилъ мое вниманіе стоящій на каменномъ высокомъ и квадратномъ подножій большой деревянный крестъ, весь обвѣшенный маленькими образами, вытѣсненными изъ тоненькихъ серебряныхъ листиковъ грубой и стариной работы. Подобные кресты находятся, впрочемъ, въ церквахъ и Дадіановской Сванетіи. Ихъ видѣлъ и г. Броссе. Къ сожалѣнію, на этомъ крестѣ надписи никакой не было. Иконостасъ Кальской церкви каменный, изъ трехъ сводовъ. Въ среднемъ царскія двери замѣнялись, вѣроятно какъ въ первыя времена христіанства, завѣсою. Въ боковыхъ сводахъ поставлено нѣсколько иконъ, но не 166, а около 20, большею частію безъ ризъ и безъ надписей. Впрочемъ, на пяти или шести иконахъ, а въ особенности на большомъ образѣ Святыхъ Квирика и Іулитты, замѣчательны серебряные оклады стариной работы, но тоже безъ встрѣчаемыхъ часто въ Закавказьи надписей историческаго содержанія. На каменномъ престолѣ, примыкавшемъ, какъ во всѣхъ малыхъ древнихъ церквахъ, къ восточной полукруглой стѣнѣ, лежало превосходное Евангеліе, рукописное, на гре-

ческомъ языкѣ, большаго формата, писанное на перга-
ментѣ крупнымъ и красивымъ почеркомъ, похожимъ на
нашъ полууставный. Эта книга, по моему мнѣнію, принад-
лежитъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ рукописей. При-
писка къ ней на первомъ листѣ начертана курсивнымъ и
связнымъ письмомъ и очевидно гораздо новѣе самаго Еван-
гелія. Въ ней упоминается о какихъ-то Стефаносѣ, Гри-
горіѣ и Маркѣ. Я поспѣшно списалъ съ нея fac-simile.
(см. между рисунками Табл. I, № 4).

Кромѣ того, на южной стѣнѣ внутри церкви я замѣ-
тилъ надпись *хуцури* (церковно грузинскія письмена), гру-
бо начертанную и не ясную. Я тоже принялся—было её
списывать, но тутъ одинъ изъ деканосовъ хотѣлъ меня
остановить.

Я тотчасъ-же объявилъ, что немедленно выйду изъ
церкви и уѣду изъ Кальскаго общества. Тогда все дру-
гіе деканосы принялись уговаривать оказавшаго сопротив-
леніе и утверждавшаго, что, списавъ надпись, я прикажу
ломать церковь. Успокоенный общими увѣщаніями, онъ
извинился въ своей глупости и первый просилъ меня про-
должать начатое. (Эта надпись изображена между ри-
сунками, въ Табл. I, подъ № 5).

Г-нъ Броссе переводитъ её такъ : «когда землетрясеніе
разрушило церковь сію, Святаго Квирики, то я, Георгій,
сынъ (или помощникъ) Антонія, украсилъ её вновь. По-
минайте и насъ и Богъ васъ помилуетъ.» (См. во 2-мъ
приложеніи № 1).

Но когда случилось землетрясеніе, и кто былъ этотъ
Антоній? — неизвѣстно.

Мы уже хотѣли выйти изъ церкви, какъ вдругъ я за-
мѣтилъ въ алтарѣ большой сундукъ, окованный желѣзомъ,
и разумется тотчасъ-же началъ просить деканосовъ, что-
бы они мнѣ показали, что въ немъ хранится. Они снача-
ла не соглашались, а потомъ, согласившись, начали снова
между собою спорить, какъ при входѣ въ церковь, и ка-

ждый признавалъ себя недостойнымъ коснуться сундука. После продолжительныхъ преній сундукъ былъ отпертъ, и взорамъ моимъ предстала гряда вещей, самыхъ странныхъ въ подобномъ мѣстѣ. Тутъ лежали какія-то двѣ вазы, похожія на японскія, множество стекляннoй и фаянсовой посуды разныхъ формъ и вѣковъ, также мѣдныя блюдечки, разные кусочки цвѣтнаго битаго стекла, бусы, четки, горшечки, чашки, доскутки шелковыхъ и парчевыхъ тканей. Сванеты смотрятъ на этотъ хламъ, какъ на сокровища неоцѣненные, и я не сталъ ихъ разувѣрять. Я списалъ только греческія надписи съ одного образа, хранящагося подѣ шелковымъ чехломъ, съ серебряными гремушками, въ томъ-же сундукѣ. Образъ этотъ дѣйствительно замѣчательнъ по древности, красотѣ византійской работы и богатству. Онъ весь въ ризѣ изъ чистаго золота, на немъ изображено разноцвѣтною финифтью распятіе, сверху парятъ два ангела а по сторонамъ стоятъ Богоматерь и Св. Іоаннъ. Надъ ними, тоже финифтью, или чернью по золоту, надпись въ одну строку; (см. между рисунками Табл. I, № 6, лит. а) внизу - же въ три строки надпись. (см. № 6, лит. б).

Смысль этой искаженной надписи не можетъ быть въ точности опредѣленъ.

Кругомъ, по золотому окладу, вставлены драгоценные камни и крупный жемчугъ, также и антики, изъ коихъ самый замѣчательный красный камень, кажется сердоликъ, съ превосходнымъ груднымъ изображеніемъ Спасителя. Обратная сторона иконы серебряная, и представляетъ рельефомъ Воскресеніе Христа, держащаго въ рукъ крестъ съ надписью въ одну строку. (см. № 6, лит. с). Величина образа 7 вершковъ вышины и 5 вершковъ ширины. По открытіи столь драгоценнаго сокровища, я началъ внимательнѣе оглядываться и увидѣлъ не замѣченную еще мною на олтарь бронзовую, весьма древнюю лампаду, очевидно языческую. Она въ видѣ ноги въ сандалиі; но подошва ея острокопечная и

устьяна гвоздями, что указываетъ на восточное происхожденіе. Можетъ быть эта лампада — изъ древней Колхиды. (См. между рисунками Табл. I, № 7).

Деканосы рассказали мнѣ при этомъ самую нелѣпую басню: по ихъ мнѣнію, это тотъ самый башмакъ, который носилъ дьяволъ, когда соблазнилъ Эву, и онъ потерялъ его при сошествіи Спасителя на землю; съ того-то времени и хранится башмакъ въ Кальскомъ монастырѣ. Я почелъ обязанностию указать имъ на ушки лампады и на отверстія, въ которое вливалось масло, и также на то, въ которое вкладывалась свѣтильня. Этимъ убѣдилъ я ихъ, что дьявольская, по ихъ мнѣнію, обувь, ничто иное какъ лампада, горѣвшая некогда передъ идолами. Мое объясненіе навело на нихъ такой ужасъ, что они начали отплевываться и съ омерзениемъ вынесли недостойный предметъ изъ церкви, но, какъ принадлежность церковную, все таки положили еѣ внутри ограды.

Я еще замѣтилъ, по угламъ церкви, приставленное и наваленное, разное старинное оружіе, какъ-то: стрѣлы, шестоперы, кистени, палицы, бунчуги съ сѣдлами, на скобахъ, арабскихъ молитвъ и т. п. На потолокъ висѣли турьи и козьи рога и папизанцы на жердяхъ челюсти какихъ-то животныхъ. Подобныя приношенія, плоды добычи въ битвахъ и на охотѣ, наполняютъ, какъ я имѣлъ случай въ томъ удостовѣриться въ послѣдствіи, все церкви Вольной Сванетіи.

Однакожь пора было вернуться въ Довберъ. Деканосы проѣли намъ что-то, вѣроятно въ родѣ многолѣтня, и поднесли намъ оловянную чарку съ аракомъ, отъ котораго я и князь Микеладзе, разумется, отказались, но къ которому туземцы обратились весьма усердно, не взирая на святость мѣста. Вообще поразило меня странное сочетаніе грубыхъ привычекъ алчности къ деньгамъ и жалкаго невѣжества съ трогательною привязанностію къ какимъ-то отдаленнымъ и уже неяснымъ преданіямъ. Лучъ истинной вѣры уже утратилъ свой живи-

тельный светъ, но теплота чувства все еще сохранилась, и согрѣваетъ бѣдныхъ двкарей въ печальномъ мракъ ихъ заблужденій. На возвратномъ нашемъ пути, тотъ самый деканосъ, который противился намъренію моему списать надпись въ церкви, сѣламая ко мнѣ чрезвычайно внимателенъ и пригласилъ не только въ свою деревню, но и въ свой домъ, гдѣ, по словамъ его, хранилась драгоценная святыня. Я воспользовался его приглашеніемъ. Спустившись съ горы и перетѣхавъ черезъ ближайшій мостъ, такъ какъ на Ингуръ ихъ нѣсколько, мы достигли жилища деканоса. Тутъ онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ трехъ-ярусную высокую башню, по какимъ-то пробураннымъ доскамъ, въ видѣ лѣстницы, по которымъ могъ вскарабкаться только Сванецъ, или археологъ. И тутъ ожиданіе мое было обмануто. Въ темномъ уголку, въ пыли и паутигъ, стоялъ маленькій, мѣдный, растворчатый крестикъ, безъ малѣйшихъ признаковъ надписей, но испѣлявшій, по мнѣнію хозяина, отъ всѣхъ болѣзней. Услужливый Сванецъ не понималъ моихъ любознательныхъ изслѣдованій, не зналъ, чего именно я доискивался, а я, признаюсь, не могъ понять страннаго благочестія Сванета: если онъ дѣйствительно вѣровалъ въ чудотворную силу своей иконы, то зачѣмъ-же держалъ онъ её въ такомъ небреженіи? Конечно, и безспорно, вѣра можетъ творить чудеса, но чѣмъ сильнѣе вѣра, тѣмъ явственнѣе выражаются ея наружныя признаки, а видимое неуваженіе къ прославляемой святыгъ—необъяснимо. Быть можетъ деканосъ притворился, въ надеждѣ получить награду, — но какъ оправдать нечистоту и беспорядокъ въ церкви? Впрочемъ, Сванеты утверждаютъ, что они отъ того не стираютъ пыли, что не слѣдуетъ прикасаться святыни грѣшными руками. Этимъ скромнымъ сознаниемъ своего униженія, тяготящаго ихъ совѣсть, оправдывается нѣсколько неизвинительная неопрятность, встрѣчаемая во всѣхъ ихъ молебняхъ, гдѣ они ставятъ стулья, обдають, пьютъ аракъ и разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ.

Постояннаго Богослуженія дѣлаемы не совершаются, а приходятъ въ церковь читать кое-какія молитвы по приглашенію желающихъ того лицъ, обязанныхъ при томъ зарѣзать барана, или принести какой нибудь *намзуруль*, т. е. пожертвованіе. Крестины, браки, похороны и поминки исполняются такимъ-же образомъ. О таинствахъ и литургіи народъ не имѣетъ никакого понятія.

Пообѣдавъ въ селеніи Довберъ шашлыкомъ, солѣнымъ сванетскимъ сыромъ и плохимъ чернымъ хлѣбомъ, мы рѣшились не терять времени и отправиться въ *Инарское* общество.

Для господъ географовъ не излишнимъ будетъ замѣтить, что Кальское общество совершенно демократическое, не имѣетъ ни одного дворянина, и что оно одно изъ бѣднѣйшихъ въ числѣ одиннадцати обществъ, составляющихъ Вольную Сванетію. Оно заключается изъ семи селеній, расположенныхъ внизъ по правому берегу Ингура, въ слѣдующемъ порядкѣ: Халдѣ (на рѣчкѣ Чала, близъ впаденія ея въ Ингуръ) Довберъ, Ланхоръ, Хэ, Вичнашь, Ипраль и Мукдаръ, а всего только 54 дыма.

Въ селеніи Хэ, (см. между рисунками Табл. I, № 8) я осматривалъ церковь во имя Св. Варвары. Она еще менѣе, чѣмъ монастырь Св. Квирики. Впрочемъ кладка камней немного чище, а на восточной стѣнѣ обозначаются три небольшихъ арки, доказывающія нѣкоторое притязаніе на искусство. Внутри храма, на иконостасѣ, поставлены двѣ или три иконы безъ особенныхъ надписей, изъ коихъ икона Св. Варвары—не большая, въ серебряномъ окладѣ. Въ углу стоялъ посохъ, на который былъ надѣтъ довольно большой серебряный крестъ, не искусной чеканной работы, съ изображеніемъ Распятія. На четырехъ концахъ креста, расположена церковно-грузинская надпись, съ которой, по неясности буквъ, я снялъ, для большей вѣрности, слѣпокъ на тонкой бумагѣ: (см. между рисунками Табл. I, № 9).

Эта надпись состоитъ изъ столь грубо начертанныхъ буквъ, что не представляетъ никакого смысла.

Не смотря на бѣдность церкви, Кальскіе жители традиционно утверждаютъ, что тутъ, а не въ Ушкульскомъ монастырѣ, похоронена царица Тамара; но ни какихъ признаковъ гробницы не замѣтно, и положительно можно сказать, что мѣстопогребеніе Тамары останется на вѣки неразрѣшенной загадкой.

Отъ Кальскаго общества до Ипарскаго внизъ по Ингуру не болѣе 3 верстѣ. Мѣстами тропинка проложена подъ утесами надъ самымъ русломъ рѣки, сперва по правому, а крупнѣе верстѣ черезъ 5, по лѣвому берегу. Тутъ тоже находится мостъ, въ селеніи Мукдаръ, но по случаю разлива Ингура мы не могли воспользоваться этой дорогой, а должны были ѣхать объѣздомъ, подымаясь на скалы, такъ, что путь черезъ то удвоился, слѣдованіе, отъ крутыхъ подъѣмовъ и спусковъ, было весьма утомительно. Я смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на бѣдныхъ пѣшиходовъ, которые, сопутствуя намъ цѣлый день, замѣтно начинали утомляться. Въ особенности мнѣ показался достойнымъ состраданія переводчикъ нашъ Мике, который, будучи уже старъ, дородень, не великъ ростомъ и не ловокъ, совершенно запыхался. Одинъ изъ Сванетовъ уступилъ ему своего коня, но какъ только сванетскій Санхо-Панса взгромоздился на клячу, поднялся общій хохотъ, посыпались шутки и добродушныя насмѣшки, такъ, что бѣдный Мике пожалъ плечами и самъ смѣялся надъ собою, отказавшись отъ непривычнаго ему способа странствованія. Эта веселость и насмѣшливость народа слывущаго суровымъ до жестокости, доказали мнѣ, что привычки не всегда согласуются съ нервобытными началами человѣческаго характера; невольно призадумался я о томъ, что часто бываютъ, въ особенности въ горахъ, люди озлобленные, свыкшіеся съ преступленіями, послѣдствіями фанатизма, невѣжества и злополучій, но которыхъ природный нравъ доступенъ ко всемъ мягкимъ и общежительнымъ впечатлѣніямъ.

До Иварскаго общества мы въ тотъ вечеръ достигнуть не могли. Какъ только солнце скрылось за вершинами горъ, густой сумракъ легъ по ущельямъ. Переправясь черезъ Ингуръ, мы расположились почевать на бивакъ, на небольшой полянѣ у самой подошвы лѣсистыхъ высотъ. Тутъ прѣѣхали къ намъ почетные представители разныхъ обществъ, азнауры Муллахскаго общества: Даданъ Курдіани съ двумя взрослыми сыновьями, Гела (Григорій) Юссиліани и Семень Девдаріани, крестники Его Свѣтлости князя Намѣстника; Иварскаго общества — Солтманъ Курдіани и Мужальскаго — простолюдинъ Казимулатъ Шарашидзе.

Во всей Вольной Сванетіи нѣтъ ни одного князя. Въ этомъ демократическомъ краѣ дворяне сохранили только право обѣдать по одному разу въ годъ у потомковъ своихъ бывшихъ крестьянъ, да въ случаѣ кровомщенія взыскивать двѣ крови за одну. Впрочемъ и по сіе время различіе сословій не могло изгладиться совершенно и выражается со стороны дворянина нѣкоторою наследственною кичливостью, со стороны же простолюдиновъ невольной, безсознательной, хотя не всегда охотной уступчивостью.

Въ ту же самую ночь мы имѣли случай убѣдиться въ той власти, которую отличіе происхожденія и самоуверенность, имъ внушаемая, имѣетъ всегда надъ чернью; тутъ, у подножья Эльборуса, между истинными дикарями, и испытавъ, что нелѣзная задача, недавно волновавшая Европу, объ истребленіи аристократическаго начала, совершенно несвойственна нравственнымъ потребностямъ и начальнымъ понятіямъ даже самыхъ первобытныхъ людей.

На ночлегъ развели два костра. Около одного расположились мы, съ надеждою упокоиться отъ трудовъ утомительнаго дня. Около другаго усѣлись Сванеты, начали пить аракъ и громко разговаривать, вѣроятно о цѣли нашего посѣщенія. Надо замѣтить, что горцы, отъ привычки перекликаться и отъ свѣжаго воздуха, расширяющаго лег-

кія, имѣють такіе звучные и сильныя голоса, что и самъ Даблашъ могъ-бы имъ позавидовать. Сванеты, изъ вѣжливости къ намъ, говорили въ полголоса, но такими гортанными, рѣзкими звуками, что они молотомъ раздавались въ моея голову и рѣшительно не позволяли заснуть. Мирная бѣсѣда, долго продолжавшаяся около костра, вдругъ превратилась въ шумный споръ, голоса зазвенѣли какъ трубы, возгласы замѣнялись возгласами, крикъ, брань, суматоха сдѣлались оглушительными и надъ всеми голосами начальнически господствовалъ хриплый и густой басъ стараго азнаура Дадаша Курдіани; наконецъ мало-по-малу тревога утихла и мы заснули.

На другой день первый мой вопросъ былъ разумѣется о ночномъ происшествіи. Дадашъ Курдіани слегка извинился и разсказалъ намъ случай, рѣзко обрисовывающій, по моему мнѣнію, вообще демократическіе и въ частности Сванетскіе нравы. Въ то время, какъ наши провожатые сидѣли и говорили около костра, къ нимъ прибѣжалъ житель Кальскаго общества съ извѣстіемъ, что сосѣдь его въ тотъ же вечеръ укралъ у жителя Ушкульскаго общества, по существующей между ними личной враждѣ, двухъ изъ тѣхъ нечистыхъ животныхъ, въ коихъ некогда Цирцея превратила товарищей Улисса. Случай былъ въ краѣ весьма обыкновенный, по господствующимъ обычаямъ самоуправства и мщенія, но по поводу нашего присутствія, онъ могъ набросить, по мнѣнію Дадаша, на всю Сванетію предосудительную тѣнь. Старикъ Дадашъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ тотчасъ сыновьямъ своимъ бѣжать съ ружьями въ домъ виноватаго и, поколотивъ его исправно, принудить возвратить невинныхъ жертвъ его метительнаго корыстолюбія. Рослые парни мгновенно отправились по приказанію строгаго родителя и въ ночь дѣло правосудія было исполнено. Замѣчательно то, что Дадашъ Курдіани не принадлежитъ ни къ Кальскому ни къ Ушкульскому обществу, а къ отдаленному отъ нихъ обществу Муллахскому, но такъ какъ онъ азнауръ и при томъ человекъ

энергическій, и какъ узналъ я въ послѣдствіи, даже весьма замѣчательный и почтенный, то никто не смѣетъ противиться его крутымъ справедливымъ требованіямъ и побоямъ его сыновей. Вотъ въ какомъ еще странномъ положеніи находятся судъ и расправа Вольной Сванетіи.

Отъ мѣста нашего почлета до главнаго селенія Ипарскаго общества, *Накипари*, предстояло намъ проѣхать не болѣе 6-ти верстъ, изъ конхъ около 5-ти внизъ, около русла рѣки, а съ версту подыматься по косоугору. На пути одинъ изъ Сванетовъ убилъ изъ винтовки сидѣвшаго на утесѣ орла. Товарищи его начали тотчасъ осматривать застрѣленную птицу и оказывать знаки неодобренія. Тутъ я узналъ, что у нихъ убить птицу ничего не значить. Надо чтобъ пуля непременно почала въ голову. Иначе выстрѣлъ считается неудачнымъ. Не удивительно послѣ этого, что Сванеты слывуть за превосходныхъ стрѣлковъ.

Въ селеніи *Накипари* (см. между рисунками *Таб. I, № 10.*) насъ встрѣтили одинъ только старикъ и деканосы, объясняя, что все жители ожидали насъ наканунѣ, а теперь отиравились на полевья работы. Оно было тѣмъ болѣе понятно, что лѣто въ Сванетіи продолжалось только два мѣсяца, а что жители, по какому-то застарѣлому предразсудку, почитаютъ тяжкимъ грѣхомъ работать не только въ воскресенье, но и въ пятницу и субботу; подобное-же обыкновеніе существуетъ и въ *Имеретіи*, но тамъ—вѣчно лѣто, тогда какъ въ соседней съ нею Сванетіи — почти вѣчная зима.

Посреди селенія *Накипари* находится церковь Св. Георгія, сравнительно довольно красивое зданіе, немного просторнѣе *Кальской* церкви, и замѣчательная разными глубокими рельефными изображеніями на наружныхъ стѣнахъ. Выпуклыя украшенія, въ видѣ львиныхъ и оленьихъ головъ, расположены симметрически и обнаруживаютъ слѣды искусства самаго невѣжественнаго.

Внутри церкви я замѣтилъ тотъ-же мракъ и ту-же нечистоту, какъ и въ прежнихъ. Но, между иконами, цѣко-

тория въ серебряныхъ окладахъ. Самое замѣтательное изображеніе въ большомъ размѣрѣ, на конѣ Св. Георгія, поражающаго копьемъ не искуителя, а какого-то лежащаго челоуѣка въ латахъ и въ царской шапкѣ Арзакидовъ. Изъ руки его выпалъ мечъ, а подлѣ лежитъ круглый щитъ. (см. между рисунками Таб. I, № 11.) Надъ головой этой горизонтальной фигуры начертано церковно-грузинскими буквами:

«Диоклитіанъ царь невѣрный.»

Остальная надпись въ 7-ми строкахъ. Г-нъ Броссе читаетъ её такъ: «Икона сія Св. Георгія Ифарскаго сдѣлана мною, Марухомъ, изъ моего злата и серебра, дабы молиться за мою душу о искушеніи въ день суда.—Рукою золотыхъ дѣлъ мастера Окро.» (см. во 2-мъ приложеніи № 2.) (*)

На оборотной сторонѣ небольшой иконы Богородицы, на серебряной-же доскѣ, очень красиво и чисто вычеканена Греческая надпись. (см. между рисунками Таб. I. № 12, и во 2-мъ приложеніи № 5.) Г-нъ Броссе переводитъ её такъ:

«Святая Владычица, Дѣва Пресвятая, рождшая Создателя всего созданнаго! Изобразивъ Тебя съ чувствомъ благоговѣнія, разукрасивъ Тебя златомъ и серебромъ.., я Марія, раба Твоя, О, лучезарная! Для себя ищу украшенія красоты душевной. О Маріамъ, царица всѣхъ женъ! Прими мя въ сонмъ праведныхъ.»

По палеографическимъ признакамъ эта надпись не старѣе исхода XIV-го или начала XV-го столѣтія, но кто была эта Марія, — неизвѣстно.

Деканосы Ипарскаго общества показали мнѣ еще пергаменное Евангеліе хуцури, оправленное въ серебро, и самодовольно утверждали, что, по преданію, Накшари было мѣстопребываніемъ особаго Епископа и что потому ихъ церковь можетъ почитаться одною изъ главнѣйшихъ

(*) Св. Георгій Кападокійскій пріялъ мученичeskій вѣнецъ въ царствованіе Диоклитіана и не къ тому-ли относится это изображеніе? (Броссе I: с. стр. 250 и 251.)

въ край.

Въ этомъ селеніи, за 5 лѣтъ перелѣтъ, жьль шесть мѣсяцевъ князь Микеладзе; онъ нашель теперь свою квартиру точно въ томъ же видѣ, какъ въ то время, когда онъ еѣ занималь. Жители не касались до нея, въ надеждѣ на возвращеніе своего прежняго пристава: рѣзкая черта народной благодарности и уваженія къ начальнику, которая не можетъ быть пропущена безъ вниманія.

Все Инарское общество заключается только изъ трехъ селеній: *Боурешъ*, на правомъ берегу Ингура, близъ устья рѣчки Адышъ-Чала, (см. между рисунками Таб. I, № 15.) *Накхтари*, и *Зегани*, на высотѣ, на лѣвомъ берегу. Въ этомъ обществѣ считается 104 дыма и два только семейства азнауровъ: Курдіани, родственниковъ пзвѣтнаго уже блюстителя правосудія; (старшій Инарскій Курдіани и здѣсь пользуется тоже общимъ уваженіемъ по уму своему и нравственности) и Гулбани; этого семейства азнауровъ осталось только два представителя; изъ нихъ одинъ учился въ Тифлисской Гимназіи. Общество бѣдно, но нѣсколько зажиточнѣе верхнихъ. По мѣрѣ того, какъ ущелье расширяется и теченіе Ингура становится низменнѣе, растительность улучшается и родится пшеница въ большемъ изобиліи.

Пшеница составляетъ мѣрило мѣстнаго благосостоянія; тамъ гдѣ ея нѣтъ, общество считаютъ бѣднымъ; тамъ гдѣ она родится, общества сльвуть достаточными. Вьять хорошій хлѣбъ и занимаются даже торговлею.

Окинувъ бѣглымъ взоромъ Инарское общество, мы спѣшили въ Цюрмійское, отстоящее отъ перваго верстахъ въ десяти. Тропинка проложена тутъ по крутымъ и высокимъ косогорамъ, вьнизъ по берегу Ингура. Она то обрываето спускается, то подымается высоко, и почти отвѣсно, что весьма утомительно для путешественника. Во время переѣзда, я имѣль снова случай убѣдиться въ ничѣмъ-не-потребляемомъ вліяніи дворянской власти надъ республиканскими правами Сванетовъ. Азнауръ

Семень Девдаріани, крестникъ Его Свѣтлости князя Намѣстника, разсердился какъ-то на одного изъ проводниковъ и началъ бить его палкой по головѣ. Простолудинъ ворчалъ, но не оказывалъ сопротивленія. Мнѣ, разумется, не могло понравиться подобное самоуправство. На мое замѣчаніе азнауръ отозвался, что онъ пользуется только своимъ правомъ и наказываетъ своего подвластнаго. Но я не удовольствовался его объясненіями. — «Передайте ему,» сказалъ я переводчику, — «что такъ какъ онъ имѣетъ честь быть крестникомъ самого Намѣстника, то онъ долженъ служить примѣромъ своимъ землякамъ и подражать кротости своего воспріемника, коего власть и права гораздо познательнѣе власти сванетскаго азнаура.» — Девдаріани сознался тотчасъ въ своемъ простукѣ и, добродушно забывъ свой гнѣвъ, въ продолженіе пути обращался ласково и шуточно съ обиженнымъ имъ человѣкомъ. Къ вечеру мы дотацились до селеній Цюрмійскаго общества. Ихъ пять: *Загаръ*, *Тюберъ*, *Незаубанъ* или *Кипіанша*, *Ламоль* и *Чаубенъ*. Онѣ расположены довольно тѣсною кучкою на значительной возвышенности, на правомъ берегу Ингура. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ считаютъ 68 дымовъ. Строенія отличаются бѣльшимъ количествомъ башенъ противъ верхняго общества; нѣкоторыя большія дома совершенно похожи на феодалныя замки. Они выстроены въ видѣ параллелограммовъ, изъ конхъ передній фасъ заключается въ высокой стѣнѣ, съ двумя квадратными башнями по угламъ. Отъ башенъ тянутся боковыя стѣны къ заднему фасу, гдѣ возвышается каменное большое двухъ-этажное зданіе, съ двумя отдѣльными симметрическими флигелями. Эти истинныя замки расположены амфитеатромъ по склонамъ горъ. Бѣлыя ограды ярко отдѣляются на окружающей ихъ зелени и представляютъ видъ чрезвычайно оригинальный и живописный. Такихъ большихъ строеній не больше какъ по одному въ каждомъ селеніи. Прочіе дома въ меньшихъ размѣрахъ, нѣкоторые съ башнями, но все обезопасены на случай нападенія. Мы остановились въ селеніи Нез-

гаубанъ, или Кипіанца, въ центральномъ пунктѣ всей Вольной Сванетіи, въ замкѣ Азнаура Кипіани, крестнаго сына Ея Свѣтлости княгини Воронцовой. Князь Микеладзе нашелъ и тутъ своихъ знакомыхъ. Онъ прежде и въ этомъ селеніи прожилъ около 3-хъ мѣсяцевъ и теперь заботливо справлялся о посаженномъ имъ нѣкогда картофелѣ. Жители дома простодушно сознались, что картофель вышелъ превосходный и что они весь его съѣли, такъ, что и разводить не осталось ничего.

Знакомясь все болѣе и болѣе съ Вольными Сванетами, я убѣждался, какъ несправедливы и преувеличены слухи о ихъ закоснѣлой жестокости; я видѣлъ передъ собой народъ въ дѣтствѣ, людей почти первобытныхъ, слѣдовательно сильно впечатлительныхъ, немощныхъ въ кровомщеніи, но помнящихъ и понимающихъ добро; я въ нихъ замѣтилъ добродушіе, веселость, признательность, алчность къ деньгамъ и въ особенности грустное сознание своего нравственнаго и религіознаго упадка. Изъ всего, мною испытаннаго и видѣннаго, я заключилъ, что тѣ два значительныя общества, куда не проникалъ ни одинъ Русскій, вѣроятно примутъ меня также охотно, какъ и тѣ, которые уже были извѣстны Полковнику Колюбакину и князю Микеладзе. Тогда я рѣшился послать сперва къ жителямъ Латайскаго общества, состоящаго вмѣстѣ съ Ленджерскимъ изъ 360 дымовъ, и составляющаго почти 3-ю часть цѣлой Вольной Сванетіи. Нарочными отправились Азнауръ Кипіани и Казимулатъ Шерашидзе, съ порученіемъ извѣстить Латайцевъ, что я, присланный Главнокомандующимъ для осмотра Вольной Сванетіи, желаю тоже и ихъ посѣтить и осмотрѣть ихъ церкви. Въ ожиданіи отвѣта мы рѣшились употребить весь слѣдующій день на осмотръ Цюрміискаго и соседняго съ нимъ Эльскаго обществъ. Следующій день былъ пятница; народъ, по странному своему предразсудку, не работалъ и толпой пришелъ къ нашему дому; во главѣ стояли старики; между прочими одинъ бывшій деканомъ,

сложившій съ себя сіе званіе по принятіи Св. крещенія. Всѣ единогласно изъявляли желаніе имѣть рукоположеннаго священника, при чемъ предлагали любую изъ своихъ церквей для православнаго Богослуженія; тутъ же намъ привели одного молодаго человѣка, который, не будучи родомъ изъ деканосовъ, вытвердилъ наизусть молитвы и почти самоучкой выучился читать по грузински. Онъ изъявилъ неодолимую охоту посвятить себя духовному званію, и я обѣщаль довести о томъ до свѣдѣнія самого Экзарха. По предоставленному мнѣ праву, я присовокупилъ, что Его Высокопреосвященство посылаетъ свое Архипастырское благословеніе всему Сванетскому народу и благодарить деканосовъ за то, что они сохранили хоть память объ истинной вѣрѣ; я заключилъ предложеніемъ, тоже отъ имени Его Высокопреосвященства, чтобъ деканосы отсылали въ духовныя училища своихъ малолѣтнихъ сыновей, и чрезъ то давали бы имъ возможность приготовляться въ настоящіе священники, рукоположенные и знающіе Сванетскій языкъ. Эти слова повторялъ я, впрочемъ, во всѣхъ обществахъ, и повсюду деканосы изъявляли радость и готовность на исполненіе воли Архипастыря. Къ сожалѣнію, тутъ встрѣчается одно важное препятствіе, которое, какъ часто бываетъ на Кавказѣ, рѣзко противопоставляется прекрасному предположенію. Хотя оно и покажется страшнымъ, но Сванеты, вполне заслуживающіе названія кавказскихъ Лапландцевъ, какъ настоящіе жители суроваго сѣвера, не могутъ переносить знойнаго климата кавказскихъ долинъ. Поразительные примѣры служатъ тому доказательствомъ; до сего времени рассказываютъ, что въ 1841 году, въ отрядѣ Генерала Анрепа, 80 человѣкъ милиціонеровъ изъ Княжеской Сванетіи отправились однажды съ своимъ владѣтелемъ, Княземъ Дадшккліани, въ укрѣпленіе С. Духа. Всѣ до послѣдняго заболѣли горячкою и всѣ умерли въ теченіе лѣта. Такой страшный опытъ невольно препятствуетъ тому, чтобы дѣти деканосовъ охотно отсылались въ Кутансъ или въ Грузію. Остается желать, чтобы ду-

ховное начальство края нашло возможность учредить разсадникъ, для назначаемыхъ въ горы пастырей, на такой возвышенной мѣстности, которая, по своей высотѣ, не была бы смертельна для привыкшихъ къ свѣжему горному воздуху.

Въ Сванетіи есть черты сходства съ снѣжной Швейцаріею: та же любовь къ родинѣ, та же болѣзнь, проявляющаяся уродливыми наростами или зобами; есть даже слѣды кретинизма.

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ съ собою барометра и не могъ дѣлать никакихъ наблюденій; но гадательно, и не принимая на себя ответственности за ошибку, полагаю, что абсолютная средняя высота селеній Вольной Сванетіи не менѣе 8,000 футовъ. Почти со всѣхъ сторонъ горизонтъ замыкается грозными вершинами скалистыхъ или снѣжныхъ горъ. Такъ какъ Цюрмійское общество находится въ центральномъ пунктѣ Сванетіи, то я, послѣ разговора съ деканосами, снялъ съ возможною глазомерною точностью профиль высотъ, окаймляющихъ небо-склонъ. Самъ я находился на косогоръ, полуотвѣсной ^{юг} вѣстной заграждавшемъ видъ Эльбуруса и часть главнаго хребта. Впередѣ, на югъ, конически возвышалась снѣжная вершина горы *Цера - Загеръ*; отъ нея къ западу тянулись, понижаясь, скалистые гребни *Шкура - Загеръ* а на западъ издали рисовалась бѣлая круглая шапка горы *Лакура*, а ближе снѣжные же гребни *Хораши* и *Цхымра*. Къ западу же, четырьмя снѣжными зубцами, поднималась гора *Зурукъ*, а ниже, скалы двухъ горъ *Тюберн* и *Еруни*. Всѣ эти горы обозначаютъ западную границу Княжеской Сванетіи. Къ востоку отъ *Шкура - Загеръ* вздымаются сперва длинные безснѣжные хребты горъ *Ласиль*, за нимъ *Цхеру* и *Мушура* и скрывается утесистый гребень Латнарской горы, называемой туземцами *Дадіашъ*; оттуда, уже прямо къ востоку, замыкаются верховья Ингурскаго ущелья бѣлыми волнами вѣчныхъ снѣговъ, обозначающихъ горы *Чхуднія*, *Мячих-наръ* и *Мульхиста*. Для большей ясности прилагаю при семъ снимокъ съ

начертаннаго мною профиля, который конечно не можетъ служить для опредѣленія высотъ, такъ какъ онъ снятъ глосомѣрно и безъ помощи инструментовъ. (см. между рисунками Таб. I, № 14.)

Быть можетъ, этотъ слабый орографическій очеркъ покажется далеко не удовлетворительнымъ для Гг. ученыхъ, но я, предпринявъ поѣздку безъ всякой спеціальной цѣли, не имѣлъ, какъ выше сказано, никакихъ инструментовъ, и обращалъ преимущественно вниманіе на нравы жителей и на мѣстныя древности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Цюрмійское общество не богато. Въ главной церкви общества, во имя Св. Георгія, находится нѣсколько иконъ въ окладахъ и ризахъ. Первое мѣсто занимаетъ храмовая икона, на коей повторено то-же самое изображеніе поверженнаго вѣиценосца, какъ описано было въ Ипарской церкви, но безъ имени Діоклитіана и не въ шапкѣ арзакидовъ, а въ зубчатомъ вѣицѣ, съ длинными привѣсками, какія встрѣчаются на Византійскихъ монетахъ XII-го вѣка. Снизу, на серебряномъ полѣ, вычеканена слѣдующая надпись:

... «Святый Георгіе Кашоетскій, будь молитвенникомъ и покровителемъ украсителю твоему Джикадзеу въ «день».... (см. между рисунками Таб. I, № 15. и во 2-мъ приложеніи № 4.)

Икона эта, вѣроятно, находилось когда то въ Ленджерскомъ обществѣ, въ селеніи Кашоеть (Кашветъ) но по какой причинѣ она перенесена въ Цюрми и въ какое время, не извѣстно. Другая—небольшая серебряная икона Св. Іакова; на оборотной сторонѣ ея, на серебряной доскѣ, слѣдующая надпись:

... «Святый Іаковъ, брате Господа, назвавшаго тебя братомъ, моли въ день оный суда обо мнѣ, уповающимъ на тебя, Камканъ Тгріанидзе.» (см. между рисунками Таб. I, № 16 и во 2-мъ приложеніи № 5.)

Въ остальныхъ церквахъ, находящихся при другихъ четырехъ селеніяхъ Цюрмійскаго общества, драгоценнаго

и любопытнаго ничего не сохранилось. Съобразно сняты оклады и рязы. Уцѣлѣвшіе большіе деревянные кресты обнажены. Жители утверждаютъ, что Турки, т. е. Мусульмане, (вѣроятно Карачаевцы, или Болкарцы,) не одинъ разъ тайно прокрадывались къ ихъ молельнымъ домамъ, и, пользуясь мракомъ ночи, похищали церковную утварь; впрочемъ отъ насилій вооруженной рукой никогда не страдали церкви. Народъ всегда храбро отстаивалъ свои селенія и непріятельскіе набѣги не оставили въ край прискорбныхъ воспоминаній; напротивъ того, сохраняемые въ храмахъ бунчуги и груды оружія свидѣтельствуютъ о постоянныхъ побѣдахъ Сванетовъ надъ врагами. Тому способствовали мзетность, свойство строній и единодушіе всехъ обществъ для отраженія непріятеля.

Нѣкоторые изъ осмотрованныхъ доселѣ обществъ соперничаютъ между собою, но не враждуютъ; кровомщенія частныхъ лицъ не распространяются на цѣлыя селенія; старшины и дворяне наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не было поводовъ къ общимъ ссорамъ, такъ напр., между Цюрмійскимъ обществомъ и небольшимъ Эльскимъ, куда мы ѣздили въ то же утро, возведена, во избѣжаніе распрей, большая каменная ограда, разграничивающая покосный поливной лугъ. Эльское общество, некогда процвѣтавшее, пришло въ совершенный упадокъ отъ бывшей въ 1812 году чумы, отъ которой два селенія совершенно вымерли, а въ трехъ остальныхъ: *Ацъ*, *Боибаръ* и *Гоаша* или *Аскульдашъ* уцѣлѣло только 40 дымовъ. Не смотря на малочисленность населенія, жители, подобно шотландскимъ кланамъ, чрезвычайно дорожатъ своей самостоятельностью. Сперва они приняли насъ весьма угрюмо и неохотно, опасаясь, какъ узналъ я, чтобы правительство не присоединило ихъ къ Цюрмійскому обществу. Но когда я увѣрилъ ихъ, что русскому Правительству совершенно все равно, какъ бы они ни назывались, и что никто не посягнетъ на вѣковыя преданія ихъ домашняго быта,—тогда лица ихъ прояснились, суровость замѣнилась добродушной

словоохотливостью, приглашали насъ погостить у ^{нихъ}, и тотчасъ же повели въ свою главную церковь, гдѣ я, впрочемъ, не нашелъ ничего особеннo-замѣчательнаго, кромѣ одного Евангелія и одной медной чашки. Евангеліе большаго формата, на пергаментѣ, церковно-грузинскими письменами *асомтаврли* т. е. все заглавными буквами, что составляетъ верхъ каллиграфической роскоши. Чашка же, небольшая, кругловатая, съ отломленнымъ краемъ, довольно грубо отформована и, по отливкѣ, неискусно подчеканена; на ней замѣчательны рельефныя фигуры, числомъ до 15-и; между ними виднѣтъ одинъ воинъ въ шлемъ, со щитомъ, съ поднятымъ мечемъ; возлѣ него двѣ фигуры, въ длинныхъ одеждахъ, стоятъ лицомъ къ лицу и рука объ руку. (см. между рисунками Таб. II, № 17.) Эта чашка хотя очевидно имѣетъ характеръ Римскій, но, по непорченности вкуса, относится скорее къ IV или V вѣку. Таковыми находками увѣнчались мои археологическіе поиски этого дня.

Между Цюрмійскимъ и Эльскимъ обществами разстояніе по видимому не много: они въ виду другъ отъ друга. Цюрмійское значительно выше, но они раздѣлены такими оврагами, подъемами и обрывами, что взаимное ихъ отдаленіе можно опредѣлить нижнею дорогою, спускаясь къ Нигуру, верстѣ въ 10., а верхнею, болѣе трудною, верстѣ въ 7. Первою мы пріѣхали, второю возвратились. На обратномъ пути мы встрѣтили 5 или 6 женщинъ, которыя свободно шутили и смѣялись между собою. Князь Микеладзе, знающій порядочно Сванетскій языкъ, объяснилъ мнѣ смыслъ ихъ разговора: онѣ говорили о томъ, что мы ими недостаточно любуемся. Полюбоваться, впрочемъ, было чѣмъ: двѣ изъ нихъ стройныя, блѣлокурныя, съ большими голубыми глазами и необыкновенною свѣжестью лица, могли дѣйствительно служить типомъ Сванетскихъ красавицъ. Я замѣтилъ имъ, что дорожному человеку надо сохранять свое сердечное спокойствіе, и потому я опасаясь засматриваться на ихъ красоту. Онѣ продолжали смѣяться и свободно возражали, что это напрасно, а

что онъ смотрять на насъ охотно и даже нами любуются. Меня раземъшила мысль: какъ высоко пришлось мнѣ взгромоздиться, чтобы дожидаться такого комплимента. Но взглянувъ на мужественный и стройный станъ Князя Александра Микеладзе и на юношескую паружность его племянника Залики, я вполне постигъ простодушное и откровенное удивленіе Сванетокъ, не утратившихъ желанія правиться на одной изъ возвышеннѣйшихъ и холоднѣйшихъ обителей земнаго шара. Одна изъ Сванетокъ, самая старая, худая и съ большимъ зобомъ, послала даже рукой поцѣлуй нашему молодому спутнику, что возбудило общій хохотъ. Изъ этого непринужденнаго разговора очевидно заключить можно, что въ Вольной Сванетіи женщины пользуются большою свободой и не знаютъ, обыкновеннаго на Востоку, унижительнаго рабства. Къ тому способствуетъ, вѣроятно, ихъ малое число, благодаря зѣрскому обыкновенію умерщвлять новорожденныхъ дѣвочекъ и добывать женъ похищеніемъ, а изрѣдка и покупою. Женщины уважаются какъ рѣдкость, не несутъ тяжелыхъ пошей и обязанностей, и нѣтъ здѣсь такой дряхлой и уродливой старухи, которая, овдовѣвъ, не нашла бы тотчасъ молодаго мужа.

Вечеръ мы провели въ селеніи Нечтаубанъ, на дворѣ нашего хозяина, азнаура Кишіани. Къ ночи онъ самъ вернулся и привезъ съ собою присланныхъ ко мнѣ депутатами двухъ единственныхъ азнауровъ Латайскаго общества, братьевъ Чарквіани. Они объявили мнѣ, къ большой моей радости, что Латайское общество не только готово принять меня и показать свои церкви, но еще просить меня, какъ лице доверенное отъ самаго Намѣстника, привести все общество къ присягѣ на вѣрноподанство Государю Императору. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы моя археологическая любознательность ознаменовалась столь важнымъ и отраднымъ событіемъ. Какъ сказано выше, ни въ Латайскомъ обществѣ, ни въ смежномъ съ нимъ Ленджерскомъ никогда не было ноги русскаго человека, и первый,

вступавшій въ нихъ, долженъ былъ, однимъ именемъ Русскаго, присоединить къ Русской Державѣ болѣе 2,500 необузданныхъ горцевъ, прославленныхъ на цѣломъ Кавказѣ своею суровостью и не понимавшихъ дотолѣ повиновенія. Я благославилъ случай, направившій меня въ этотъ отчужденный уголокъ свѣта и радостно готовился къ новымъ впечатлѣніямъ.

На другой день, 1-го Августа, утромъ, мы отправились напутствуемые радостными желаніями Цюрмійцевъ. Дорога лежала чрезъ Эльское общество. Миновавъ развалины двухъ уничтоженныхъ чумою селеній, мы въѣхали въ густой, дремучій лѣсъ, отдѣляющій непокорныхъ дотолѣ Сванетовъ отъ мирныхъ; влѣво отъ насъ, у ногъ нашихъ, выглядывалъ Ингуръ, внизъ по теченію коего мы слѣдовали. Тропинка, мѣста ми заросшая кустарниками, перегибалась черезъ холмы и потомъ круто поворачивала вправо, черезъ лѣсистый перевалъ.

Какъ только мы начали спускаться лѣсистою же дорогою, новые наши спутники, Чарквіани, пригласили меня взѣхать на небольшой холмъ, съ коего открывалась величественная и новая для меня панорама. Посреди долины бѣшено рвались и пѣвились, ворочая камнями, мутныя, желтоватыя волны рѣки Мульхре; по ея изгибамъ и по вытекающимъ изъ ущелья притокамъ, бѣлѣлось до 200 башенъ разсыпанныхъ селеній: влѣво—Латальскаго общества, прямо передъ нами—Ленджерскаго, выше—Местійскаго и, наконецъ, еще выше,—едва замѣтнаго Мулахскаго общества. Небосклонъ замыкался величественной громадой Эльборуса, коего подножіе омывалось рѣчкою Мульхре. Отъ Эльборуса на обѣ стороны тянулись гряды снѣжныхъ кавказскихъ вершинъ главнаго хребта. Когда мы начали подѣзжать къ рѣкѣ, братья Чарквіани просили насъ остановиться, а сами поскакали извѣстять жителей о нашемъ прибытіи. Въ ожиданіи ихъ возвращенія, привалъ нашъ продолжался болѣе двухъ часовъ; наконецъ вдали послышались звуки трубъ, сзывавшихъ народъ, и поскакавшіе

впередъ братья возвратились съ приглашеніемъ слѣдовать за ними. Мы проѣхали еще версты четыре и передъ мостомъ, перекинутымъ черезъ р. Мульхре, были встрѣчены огромною толпой народа въ праздничныхъ платьяхъ; женщинъ и дѣтей съ ними не было: встрѣчавшихъ насъ было около 600 человекъ, вооруженныхъ старыми хорошими крымскими винтовками и кинжалами. Саблю я замѣтилъ тутъ только на одномъ почетномъ старикѣ, *Тойса*, который выступалъ передъ толпой вмѣстѣ съ другимъ Латальцемъ, черноволосымъ и статнымъ мужчиной, по имени *Аби*.

Толпа окружала насъ въ почтительномъ разстояніи. Во дворилаась глубокая тишина. Аби откинулъ ружье и, опираясь на него съ горделивой осанкой, громкимъ, звучнымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: «Никогда Латальское общество не признавало надъ собой никакой власти и никому не покорялось. Напрасно наши сосѣди старались то силою, то хитростью поработить насъ; насилію мы отвѣчали оружіемъ, а хитрости упорствомъ; много было пролито крови при дѣлахъ нашихъ и отцахъ, и до сего времени Латальцы сохранили неприкосновенно свою независимость. Теперь Латальцы, по собственному своему желанію, безъ принужденія, безъ всякаго посторонняго вліянія, желаютъ покориться,—но не кому иному, какъ великому Россійскому Государю; Латальцы готовы повиноваться Царскому Намѣстнику на Кавказъ и властямъ, которыхъ онъ надъ ними поставитъ. Латальцы благодарятъ васъ за то, что вы пріѣхали къ нимъ одни: никто теперь не упрекнетъ ихъ, что ихъ принудили силою къ покорности, а всѣмъ будетъ извѣстно, что Латальцы покорились добровольно. Мы васъ просимъ привести насъ къ присягѣ и оставить намъ свидѣтельство въ томъ, что уже мы отнынѣ подданные Великаго Государя, и свидѣтельство, обязывающее насъ, мы будемъ хранить на олтарѣ нашей главной церкви, посреди нашихъ святынь.»

Эту гордую, трогательную рѣчь, въ смыслѣ которой я не извѣнилъ и не прибавилъ ничего, произнесъ Аби такъ громко, что она раздавалась далеко и народъ видимо одобрялъ ее содер-

жаніе. Я отвѣчалъ чрезъ переводчика, что я съ истиннымъ удовольствіемъ доведу до свѣдѣнія Его Свѣтлости, Князя Намѣстника о настоящемъ произшествіи, что все мы подданные Русскаго Государя, дѣти одного отца, и что я ихъ поздравляю съ ихъ готовностію прибѣгнуть подъ покровъ Русской Державы и породниться съ нами узами братства. Я надѣюсь, говорилъ я, что они будутъ чувствовать значеніе испрашиваемой ими чести: сдѣлаться русскими подданными, и присовокупилъ еще, что такъ какъ нынѣ уже вся Вольная Сванетія въ полномъ своемъ составѣ желаетъ подчиниться правительству, то и правительство обратить свое особое вниманіе на край, отнынѣ уже не раздробленный. На это Аби снова началъ говорить отъ своего общества: «Конечно мы Великому Государю не нужны! что Великому Государю въ бѣдныхъ Сванетахъ? Но Великій Государь намъ нуженъ. Намъ нуженъ отецъ и покровитель. Мы надѣемся, что, какъ и прочіе подданные Его, мы будемъ имѣть безпрепятственный пропускъ за горы для нашихъ промысловъ и торговли. О старыхъ нашихъ недругахъ мы забываемъ, хотя, видитъ Богъ, никогда мы не начинали насилій. Латальцы присягаютъ послѣдніе, но не будутъ послѣдними въ исполненіи своихъ обязанностей!» О не присягнувшемъ еще Ленджерскомъ обществѣ Аби не упоминалъ, считая его обязаннымъ, по своей незначительности, послѣдовать примѣру Латальцевъ.

За тѣмъ, и Аби и Тойса вѣжливо просили насъ, не вѣзжая еще въ селеніе, обождать нѣсколько, пока принесутъ, по требованію народа, аракъ, который, за неимѣніемъ вина, онъ хотѣлъ пить за здоровье Государя. Послѣ продолжительнаго ожиданія, въ коемъ, впрочемъ, туземцы вѣжливо извинялись, принесли наконецъ бурдючки, ковши, и деревянныя чашки съ любимымъ ихъ напиткомъ. Тогда народъ плотнѣе столпился въ кругъ. Мнѣ поднесли чарку и я, принявъ еѣ изъ рукъ Латальца, громко провозгласилъ за здравіе Государя Императора, и крикнулъ ура!

За мной все съ перваго до послѣдняго подхватили дружно и единогласно, и впервые ущелія у подножья Эльбурса, близъ вѣчныхъ снѣговъ, огласились торжественнымъ вликомъ Русской земли. Я былъ растроганъ до глубины сердца. Величіе Россіи возглашалось бѣдными дикарями, на вершинахъ, почти недоступныхъ, — посреди природы, коей громадность можетъ сравниться только съ громадностью нашей родины! И этотъ младенчествующій народъ, котораго первое сознательное чувство выражалось восторженнымъ славословіемъ Царю Русскому, и эта вѣковая, непреклонная гордость поднебесныхъ убѣжищъ, склонявшихся передъ силою Русскаго имени, — все это сливалось въ странное, величественное и глубоко-отрадное впечатлѣніе.

Аби кричалъ народу, что онъ видѣлъ Русскаго Царя, когда Онъ былъ на Кавказъ, и что *такому* Государю *могутъ* повиноваться Латальцы. И гордо и весело сверкали взоры новыхъ поданныхъ Русскихъ. Этой минуты я не забуду никогда!

Послѣ перваго задравнаго кубка я провозгласилъ еще здоровье Государя Цесаревича и Князя Намѣстника. Долго не умолкали крики, повторяемые въ ущельяхъ, долетая до самой вершины Эльбурса, куда никогда не достигала нога человѣческая.

Отпраздновавъ такимъ знаменательнымъ образомъ свое вступленіе въ Латальское общество, мы поднялись, проѣхавъ черезъ мостъ, на довольно большую высоту и вѣхали въ селеніе, гдѣ остановились на дворѣ Азнауровъ-Чарквіани. Народъ, въ ожиданіи присяги, назначенной на слѣдующій день, т. е. въ воскресенье, разошелся по деревнямъ; насъ провожали только старшины и самые почетные жители. Отъ дома Чарквіани открывается видъ уже на большую часть Латальскихъ селеній, а за ними, въ ущельи, виднѣются уже башни и замки Княжеской или Далишкилиановской Сванетіи. (см. между рисунками Таб. II, № 18.) Я замѣтилъ, что селенія Латальскаго общества расположены ближе другъ къ другу, чѣмъ въ прочихъ обществахъ; въ нихъ

тоже болѣе башень, чѣмъ въ другихъ, что и объясняется воинственностью никогда не покореннаго края. Вечеръ мы провели въ нѣкоторыхъ приготовленіяхъ для назначеннаго на слѣдующій день торжества.

Рано утромъ, Аби, Тойса, и нѣсколько другихъ, явились ко мнѣ съ видомъ озабоченнымъ, какъ бы не рѣшаясь въ чемъ-то сознаться; наконецъ они, съ замѣтнымъ смущеніемъ, объявили, что наканунѣ они не посмѣли упомянуть о раздѣленіи ихъ общества на двѣ, взаимно непріязненныя, стороны, вѣдствіе старыхъ кровомщій и семейныхъ распрій. Хотя весь народъ и проситъ присяги, но, по закореннымъ предразсудкамъ, не рѣшается забыть наслѣдственныхъ враждебныхъ отношеній, и потому настаиваетъ на томъ, чтобы каждая сторона присягнула въ особой церкви. Еслибы пришлось все соединиться у одной церкви, то, по ихъ истинно-христіанскому обыкновенію, имъ слѣдовало бы сперва помириться отъ чистаго сердца и забыть прошедшее. Но именно на это примиреніе они и не въ силахъ были рѣшиться. Тщетно я убѣждалъ ихъ, чтобы они воспользовались торжественнымъ случаемъ при вступленіи ихъ въ Русское подданство, — и достойно ознаменовали бы его забвеніемъ противной христіанскому ученію ненависти; и Тойса и Аби сочувствовали моему предложенію, но, зная своихъ соотечественниковъ, сомнительно качали головой. Замѣчательно, что стоявшія вблизи женщины вмѣшались въ нашъ разговоръ и убѣдительно, со слезами на глазахъ, начали просить меня положить конецъ разлору, составляющему истинное бѣдствіе всего общества. На это я отвѣчалъ, что я человекъ провзкій и случайный, а что имъ слѣдуетъ обращаться къ Князю Микеладзе, который оставаясь надъ нами приставомъ, можетъ примирить враждующія стороны. Впрочемъ я не ожидалъ, чтобы люди, ставящіе законъ мщенія выше всего, вдругъ, добровольно отказались бы отъ преданія, слывшагося съ ихъ жизнію.

Къ сожаленію, я не ошибся: Тойса и Аби, пытавшіеся

склонить Латальцевъ къ примиренію, возвратившись съ вѣстіемъ, что они присягнуть и готовы и рады, но мириться не будутъ. Оставалось приступить къ обряду присяги. Мы пошли сперва къ небольшой церкви во имя Снаса нерукотвореннаго, гдѣ одна изъ враждующихъ партій уже насъ дождалась. Латальцы стояли полукругомъ у входа церкви, но, по ея невмѣстительности, никто въ нее не входилъ. Я остановился на паперти съ сванетскимъ приставомъ и переводчикомъ; деканось вынесъ изъ алтаря серебрянную икону Спасителя и показалъ её народу. При видѣ иконы въ толпѣ выразился какой-то благоговѣйный ужасъ; все начали чмокать губами, какъ-бы цѣлуя воздухъ; но шапки никто не снималъ и крестнаго знаменія не творилъ. Тогда Князь Микеладзе началъ громко читать изготовленный имъ присяжный листъ на грузинскомъ языкѣ; переводчикъ переводилъ слово въ слово по-сванетски. Латальцы слушали со вниманіемъ и почтительно; потомъ снова начали цѣловать воздухъ, глядя на икону, но коснуться ея устами не смѣли. Когда же, по обряду, въ заключеніе присяги, имъ слѣдовало приложиться, они обратились къ намъ съ просьбою исполнить это за нихъ, отзываясь, что такъ какъ они люди не крещёные и слѣдовательно не чистые, то они почитаютъ себя недостойными прикасаться святыни. Исполнивъ ихъ желаніе, я приказалъ имъ перевести тутъ же написанное мною свидѣтельство въ данной ими присягѣ. При видѣ бумаги они снова зачмокали губами и потомъ разошлись по домамъ. Такой же самый обрядъ повторился съ другою половиною Латальцевъ, у главной церкви общества, сооруженной во имя Св. Іоны, и отстоящей отъ первой не болѣе какъ на версту. Тутъ деканось получилъ отъ меня свидѣтельство и, показавъ его народу, понесъ въ церковь и положилъ на алтарь.

Я не противился тому, чтобъ не ослабить ихъ вѣрованія въ святость данной ими присяги, да и по той еще причинѣ, что церкви ихъ, въ коихъ уже нѣсколько вѣковъ не

совершается литургии, не могутъ быть обращены на церковную службу, безъ обряда новаго освященія.

Само собою разумется, что торжество, коего я былъ свидѣтелемъ и неожиданное значеніе моего присутвія въ Сванетіи, отвлекли меня отъ первоначальной цели моего путешествія: отъ изслѣдованій археологическихъ. Послѣ присяги Сванетовъ, я опасался подать поводъ къ какимъ нибудь нелѣпнымъ толкованіямъ и опасеніямъ, и потому уже не изъявлялъ никакого намѣренія осматривать мѣстныя церковныя драгоценности. Но въ церкви Св. Іоны сами деканосы вынесли ко мнѣ большой сундукъ, наполненный до половины серебряными кубками, кулами, азарнешами чашами, тарелками и т. п. Всѣ эти вещи не древнія: онѣ подарены соседними князьями; на каждой вырѣзана надпись письменами *мхедрули* т. е. новогрузинскими. Деканосы, показывая мнѣ церковныя богатства, лукаво замѣтили при томъ: «Вы видите, что сосѣди не забывали Латаляскаго общества; только, правда, сами не бывали въ немъ никогда.»

Я снялъ только съ большаго колокола, висящаго на вѣлланомъ въ стѣну брускѣ, слѣдующую надпись хуцури: (см. между рисунками Табл. II, № 19 и во 2-мъ приложеніи № 6.) т. е. «Мы, Царь Царей, Александръ, сынъ Царя Леона, прислали изъ Кахетіи колоколь сей въ потребу служенія «Св. Храма твоего Пророче Іона Латаляскій. Нынѣ предстательствомъ твоимъ защити меня отъ тревоженій въ «сей и другой жизни, также невредимо, какъ невредимо «сохранилъ тебя Богъ отъ моря и кита морскаго. Въ годъ «хроникона 286 (1598 отъ Р. X.)»

Въ самой церкви я замѣтилъ небольшой образъ Св. Георгія, на оборотной сторонѣ котораго есть надпись хуцури, объясняющая, по переводу князя Микеладзе, что икона пожертвована Дадіаномъ Гуріелемъ Маміа (въ XV вѣкѣ) Латаляскому обществу, Азнаурамъ Чарквіани и ихъ подвластнымъ. У входа, на церковной папертѣ

поразила еще меня огромная мѣдная труба, на которой гражданскими письменами обозначено, что она пожертвована Лечгумскимъ княземъ *Чиковани*.

Подобными трубами, называемыми *санкоуръ* и замѣняющими здѣсь вѣчевой колоколь, сзываются вольщые Сванеты къ главнымъ церквамъ своихъ обществъ, въ случаяхъ, требующихъ народнаго сбора.

Въ то время, какъ я бѣгло осматривалъ церковныя достопримѣчательности, ко мнѣ подошелъ Латалець *Джанкуатъ Чакіанъ* и поднесъ нѣсколько нанизанныхъ на нитку, серебряныхъ бусъ, и кусокъ серебра — свинцовой руды. По словамъ его, у нихъ такая цѣлая гора и Турки, (т. е. горскіе мусульмане) покупаютъ у нихъ обломки руды за хорошую цѣну. Самые же Латальцы выливаютъ изъ свинца пули, а серебромъ справляютъ оружіе, — поразившее меня съ перваго взгляда своей отдылкой.

Распространяясь о богатствахъ Латальскихъ горъ и, вѣроятно, преувеличивая ихъ цѣнность, Чакіанъ прибавилъ, что Латальцы предлагаютъ Правительству добываніе дорогаго металла въ ихъ землѣ и съ радостью будутъ способствовать разработкѣ. Самый кусокъ руды и серебряныя бусы онъ просилъ меня представить Князю Намбетнику. Я обѣщала исполнить его желаніе и хотѣла подарить ему нѣсколько денегъ, но онъ, не смотря на свойственное Сванстамъ корыстолюбіе, отказался, говоря, что надѣется получить награду только тогда, когда слова его оправдаются, и когда окажется онъ заслугой несомнѣнную.

Между тѣмъ Ленджерское общество, о которомъ Латальцы отзываются всегда съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, узнавъ о нашемъ прибытіи, выслало къ намъ нѣсколько человекъ съ извѣстіемъ, что оно насъ дожидается. Время было дорого, погода стояла превосходная; мы поспѣшили проститься съ Латальцами, воспомнаніе о коихъ останется во мнѣ на всегда неизгладимо. При отъездѣ нашемъ, 15 старшинъ 15-ти Латальскихъ селеній подписались, т. е.

приложили кресты къ присяжному листу, и Князь Микеладзе началъ уже выдавать билеты на свободный пропускъ за горы Латальцамъ — русскимъ подданнымъ.

Латальское общество самое сильное и самое богатое во всей вольной Сванетіи; оно изобилуетъ покосами, пахатными землями и лѣсомъ; расположено на широкой долинь, къ которой примыкають съ разныхъ сторонъ ущелья и, какъ сказано, состоятъ изъ тринадцати селеній слѣдующихъ наименованій: *Лакхитъ* — на самомъ мысу у впаденія Мульхре въ Ингуръ; *Лакхильдъ* — на лѣвомъ берегу Ингура; *Ламольдъ*, — на правомъ берегу Мульхре; внизъ по Ингуру, съ правой стороны по берегу, и вдаваясь въ ущелье, расположены селенія: *Энашъ*, *Датуаръ*, *Куончанаръ*, *Мацхоариншъ*, *Цхалеръ*, *Сидіанаръ*, *Лешкуаръ*, *Жикапка*, *Мукуаръ* и *Чеміонаръ*.

Ленджерское общество, куда мы устремляли путь свой, состоитъ только изъ 95 дымовъ въ 6-ти селеніяхъ, расположенныхъ по правому берегу Мульхре: *Солъ*, *Каръ*, *Лемсія*, *Несулъ*, *Лаштхоръ* и *Кашветъ*. Ленджерцы миролюбивѣе и трудолюбивѣе Латальцевъ; въ ихъ деревняхъ я замѣтилъ самое большое количество башенъ, свидѣтельствующихъ о ихъ осторожности; они сѣютъ много пшеницы, вообще усердно занимаются хлѣбопашествомъ, составляютъ чисто демократическую общину, не имѣя между собою ни одного дворянина, и не отличаются ни отвагою ни воинственностію своихъ сосѣдей. Дорога къ нимъ, довольно удобная, идетъ вверхъ по правому берегу рѣки Мульхре; проѣхавъ верстъ 6, мы остановились для ночлега въ селеніи Лаштхоръ, гдѣ, на огромномъ дворѣ, было приготовлено для насъ помѣщеніе подъ навѣсомъ; въ этомъ одномъ селеніи я насчиталъ до 19-ти башенъ.

Встрѣтившіе насъ Ленджерцы объяснили намъ, что они издавна почитаютъ себя русскими подданными, но не пускали къ себѣ пристава только изъ опасенія Латальцевъ; столь смиренное сознаніе далеко не ехидствовало

съ надменною самоувѣренностью, поразившею насъ наканунѣ, въ соседнемъ обществѣ. Желая отдохнуть отъ утомительнаго дня, я обратился къ обывателямъ съ словомъ «хочавлетъ» (прощайте) и заснулъ не обезпокоенный шумными бесѣдами и попойками, которыми всегда сопровождалась въ наши прежніе ночлеги.

На другой день, 5-го Августа, Ленджерцы приняли присягу всѣмъ вмѣстѣ, у главной своей церкви во имя Св. Архангела Михаила, и тутъ повторился совершенно тотъ же обрядъ, мною уже описанный выше. Церковь, около которой собрался народъ, отличается наружными фресками, широкой каймой вдоль карниза написанными во вкусъ персидской живописи. Изображенія представляютъ дѣянія грузинскаго баснословнаго героя Амрана Дареджаніана. Тутъ онъ сражается съ чудовищами, и тутъ же нарисованы его сподвижники, надъ коими выставлены ихъ имена.

Я списалъ на-скоро копіи съ этого страннаго произведенія искусства, бывшаго плодомъ досуга грузинскаго художника зашедшаго сюда случайно за 200 или 300 лѣтъ! (см. между рисунками Табл. II, № 20.) На церковномъ колоколѣ нашелъ я слѣдующую надпись: « Пожертвовалъ колоколъ сей Мы, Кахетинскій Царь, патронъ Давидъ, и супруга наша, вамъ, Св. Архангелы, въ долготѣе наше, и царствованія Нашего во благопоспѣшеніе.» (см. между рисунками Табл. II, № 21 и во 2-мъ приложеніи № 7.)

Въ церкви находится нѣсколько серебряныхъ иконъ, но главная ея драгоценность заключается несомнѣнно въ превосходномъ пергаменномъ Евангеліи хуиури, съ золотыми заголовками, украшеніями и миниатюрами; для знатока и любителя—это одно Евангеліе заслуживаетъ повздки въ Сванетію.

Я забылъ сказать, что передъ совершеніемъ присяги,

одинъ пьяный старикъ началъ нахально требовать *намзу-руль* или подарка; я тотчасъ же объявилъ, что выѣду немедленно изъ общества; тогда женщины бросились меня уговаривать не обращать вниманія на слова пьянаго чело-вѣка, котораго тутъ же и увели; я упоминаю объ этомъ случаѣ, доказывающемъ и вліяніе женщинъ и порочныя наклонности мужчинъ. Подарковъ я нигдѣ не дѣлалъ, не имѣя къ тому ни средствъ, ни желанія, но увѣжая изъ каждаго общества, оставлялъ по нѣскольку рублей на аракъ.

Простившись съ Ленджерцами, мы въ то же утро перѣехали, продолжая подыматься по Мульхре, въ Местійское общество. Разстоянія между ними не болѣе 6-и верстъ. Пять селеній Местійскаго или Сетійскаго общества: *Легтаиъ*, *Сенакъ*, *Нончалъ*, *Лагуниашъ* и *Лаганъ* расположены у самага подножья Эльборуса. Вверхъ по ущелью, разсѣченному теченьемъ безыменной рѣчки, впадающей въ Мульхре, проложена тропинка, по которой пѣшеходы переходятъ черезъ главный снѣжный хребетъ, и въ трое сутокъ, следуя по ущельямъ, достигаютъ селеній Балкарскихъ или Малкарскихъ, горной части Большой Кабарды. Это соющество мусульманскихъ племенъ отражается нѣсколько въ нравахъ Местійскихъ жителей, гдѣ уже замѣтно нѣкоторое вліяніе исламизма. Мы остановились у замка дворянина *Дадаша Джапаридзе*, широкоплечаго старика съ съдыми усами; его многочисленное семейство составляетъ мѣстную аристократію; на видъ онъ казался озабоченъ и печаленъ, но принялъ насъ радушно, и, нѣсколько усмѣхнувшись, замѣтилъ, что въ первый разъ, во время пребыванія нашего въ Вольной Сванетіи, намъ придется поѣздить не заплативши за предлагаемое намъ угощеніе.

Этотъ Джапаридзе потомокъ того извѣстнаго Князя Джапаридзе, изъ Рачи, котораго убіеніе такъ дорого стоило Сванетіи въ началѣ XV-го столѣтія.

Г-нъ Броссе исчисляеть количество церквей, монастырей, крепостей, селеній, дымовъ, азнауровъ и простолюдиновъ, долженствовавшихъ, вмѣстѣ съ драгоценными иконами, утварью и книгами, искупить кровавую обиду, нанесенную Имеретинскому Царю Александру въ лицѣ его подвластнаго; Сванеты, послѣ семилѣтняго отчужденія, получили снова право торговать въ Рачъ и Леджумъ, но ударъ, имъ нанесенный, былъ началомъ ихъ упадка. — Быть можетъ, кровь, выплаченная ими, есть главное историческое событіе этого края. Разоривъ жителей, оно, вѣроятно, положило начало замкнутому и жестокому ихъ образу жизни и даже упадку Христіанства.

Потомокъ злополучнаго *Тавада* Джапаридзе готовился, по видимому, угостить насъ въ размѣрахъ, свойственныхъ его предкамъ; пока приготавлиали столы, ковры, войлоки и яства подъ стѣнью березъ, близъ отвѣснаго обрыва надъ бѣшенымъ теченіемъ потока, черной змѣей зіяющаго въ глубокой трещинѣ ущелья; пока многочисленное семейство нашего хозяина суетилось и хлопотало, — насъ пригласили посѣтить главную церковь бывшаго монастыря Св. Георгія. Тутъ насъ встрѣтилъ деканось, высокій старецъ лѣтъ 80-и, съ длинной сѣдой бородой, съ видомъ внушающимъ невольное почтеніе; отъ старости онъ уже дурно видитъ, но бодръ еще духомъ, умѣетъ читать по грузински и отстаиваетъ Христіанскія преданія отъ магометанской пропаганды. Онъ ввелъ насъ въ церковь, гдѣ я нашелъ истинныя драгоценности. По словамъ Вахуштія, въ Светійскомъ монастырѣ въ Сванетіи хранились пожертвованные Вахангомъ Гургасланомъ, въ V вѣкѣ, образа золотые, осыпанные драгоценными камнями, привезенными имъ изъ Индіи. Очевидно, Светійскій монастырь, о коемъ упоминаетъ Вахуштія, ничто иное какъ Сетійскій, какъ значится въ надписяхъ. Общество же назвалось Местійскимъ по непорченности языка и, вѣроятно, недавно. Въ храмъ я нашелъ дѣйствительно двѣ великолѣпныя иконы Византійской

живописи, въ богатыхъ золотыхъ ризахъ и украшенныя нѣсколькими камнями, небольшой, впрочемъ, цѣнности. Одна изъ нихъ стояла на полу у иконостаснаго свода. Сперва я думалъ, что это простой деревянный ящикъ, но когда деканосъ отворилъ створчатыя дверцы оной, я увидѣлъ прекрасной работы икону Богоматери, посреди другихъ, окаймляющихъ её, иконъ; на дверцахъ тоже иконы. Риза, мѣстами попорченная, изъ чистаго золота, съ различными украшениями и арабесками, вкусъ коихъ доказываетъ не очень древнее происхожденiе; лики написаны превосходно, надпись вычеканена письменами хуцурри, влзью, (по грузински *чартули*); съ главной надписи, помѣщенной внизу, въ трехъ строкахъ, я снялъ слѣдующий снкокъ: (*См. между рисунками Табл II, № 22.*)

«Пресвятая Богородице . . . . моли за насъ сына твоего и Бога нашего о спасенiи Вахтанга, и Марiамъ (?) которые твою святую икону. . . .»

Изъ этой надписи заключить не мудрено, что Вахустий былъ введенъ въ заблужденiе; вѣроятно кто нибудь сообщилъ ему о прочитанномъ имени Вахтанга на богатой золотой иконѣ; изъ этого Вахустий вывелъ, что она пожертвована знаменитымъ царемъ Грузiн, Вахтангомъ Гургасланомъ; но въ надписи упоминается только о какомъ то Вахтангѣ, безъ высокопарныхъ титуловъ, кои въ Грузiи сопровождали имена ея Государей. Кромѣ того, живопись и чеканная работа временъ возрожденiя, ясно свидѣтельствуютъ, что Сетiйскую икону отнюдь нельзя отнести далѣе XIV-го и даже XV-го столѣтiя.

На другой Св. иконѣ, тоже довольно большой, но не створчатой, богато обдѣланной въ золотую ризу, вычеканена надпись: (*см. между рисунками Таб. II, № 23 и во 2-мъ приложенiи № 8.*)

«. . . . Я, убогiй Антонiй Цагерель, во владѣнiи моемъ въ ИШТ, . . . возобновилъ разрушенный вертоградъ и принёсъ его въ даръ сему монастырю; я также соорудилъ образъ сей и поставилъ въ сiю церковь во искуп-

3619369-20
303309033

леніе души моеѣ. Если кто исхититъ мою смиренную жертву изъ святаго Монастыря . . . . . наказаніе . . . . . въ день суда. Амнь.»

На большой храмовой иконѣ Св. Георгія въ серебряной ризѣ написано: (см. между рисунками Таб. II, № 24.)

Кромѣ иконъ, въ церкви хранятся нѣкоторые замѣчательные предметы: по угламъ наставлено множество воинскихъ трофеевъ; къ иконостасу приставлено большое знамя Сванетскаго народа; отъ ткани остались только одни лохмотья; но широкое медное копьё, посаженное на древко, украшено изображеніемъ Св. Георгія Сетійскаго съ одной стороны, а Св. Іоны Латарскаго и Архангела Михаила Угарскаго съ другой. На копьё выпукло выдается надпись, (см. между рисунками Таб. II, № 25 и во 2-мъ приложеніи № 9.) въ переводѣ означающая слѣдующее: . . . «Да ублажить Господь соединенную долину, благополучную хоругвь, льва и копьё знамени а также и два значка нашего великаго монастыря. *Пожертвовано Григолемъ Копасдзе; да помянетъ его Господь Богъ!*»

На каменномъ подножіи большого креста, обтѣвленнаго небольшими серебряными образами и стоявшаго посреди церкви, я замѣтилъ желѣзныя, странной формы, удила, топоръ о двухъ остріяхъ и круглый щитъ; деканось утверждалъ, прикасаясь къ нимъ съ благоговѣніемъ, что удила эти держала некогда въ рукъ своей великая Тамара, управляя конемъ, а что топоръ носили передъ ней, вѣроятно также какъ и теперь передъ многими восточными властелинами палачъ всегда несетъ орудіе, собственное его званію. (см. между рисунк. Таб. II, № 26.)
Лежавшій подлѣ этихъ предметовъ щитъ не имѣетъ никакого извѣстнаго историческаго значенія; на немъ вырѣзано нѣсколько арабскихъ молитвъ, полустартыхъ и не представляющихъ ничего замѣчательнаго. При выходѣ изъ церкви старый деканось показалъ намъ пергаменное

011105930
011105930

Евангеліе хуцури, трєбникъ и нѣкоторыя другія церковныя книги малаго формата; въ доказательство своей грамотности, и не смотря на дурное зрѣніе, онъ прочиталъ нѣсколько велухъ, и потомъ, закрывъ книгу, печально сказалъ: «я послѣдній грамотный деканосъ въ нашемъ обществѣ; давно живу я на свѣтѣ, и смерть моя близка; что будетъ съ нашими, когда я умру? Вы видите, я сохранилъ наши святыни, но за горами живутъ недруги Христіанства. Они стараются привлечь народъ глупый и легковѣрный, и когда меня не будетъ, то и вѣра Христова можетъ у насъ совершенно исчезнуть. Не забудьте о нашемъ обществѣ, постарайтесь, чтобы Правительство прислало сюда священника, который замѣнилъ бы меня и удержалъ бы людей слабовѣрующихъ отъ вліянія мусульманскаго.» Старикъ глубоко вздыхалъ и былъ видимо растроганъ. — Едва я вышелъ изъ церкви, какъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости опасеній стараго деканоса: въ то самое время, какъ мы остановились на лужайкѣ у церкви, мы увидѣли цѣлую толпу людей, въ большихъ кабардинскихъ папахахъ, коихъ курчавые курпепи рѣзко отличались отъ-едва замѣтныхъ сванетскихъ шапочекъ; впереди шелъ Балкарскій эфенди, съ чалмою на папахѣ, онъ выступалъ важно и медленно въ сопровожденіи своихъ нукеровъ и двухъ Местійцевъ, привавшихъ уже магометанскую вѣру; я было хотѣлъ идти къ нимъ на встрѣчу, — такъ медленно они подвигались, — но старый Джапаридзе и деканосъ удержали меня, сказавъ, что не я къ нимъ, а они ко мнѣ имѣютъ дѣло. Изъ этого невольнаго движенія я могъ понять, какая глубокая ненависть заражается между блюстителями Христіанской вѣры и посягающими на нее иновѣрцами. Эфенди, отличающійся плоскимъ, ногойскимъ лицомъ, равно какъ и нукеры его, величаво обратился ко мнѣ съ жалобою на какое-то притѣсненіе его соотечественнику. Любопытно, что мы говорили чрезъ четырехъ переводчиковъ, на четырехъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ,

сванетскомъ и болкарскомъ. Послѣ продолжительнаго разговора, не объяснишаго, впрочемъ, достаточно присутствія мусульманскаго духовнаго лица въ обществѣ, совершенно ему чуждомъ, я передалъ разбирательство самаго иска Князю Микеладзе, какъ лицу официально и мѣстному начальнику; за тѣмъ мы отправились къ нашему хозяину, Джапаридзе, гдѣ уже насъ ожидалъ нѣсколько торжественно приготовленный обѣдъ.

На почетномъ мѣстѣ, близъ оврага, поставленъ былъ круглый столъ о трехъ ножкахъ, покрытый скатертью; у стола красовались оригинальныхъ формъ кресло и стулъ; кресло для меня, стулъ для Князя Микеладзе. Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ потому, что сохранившаяся кое-гдѣ въ Сванетіи мебель есть явленіе весьма замѣчательное на Востокѣ, гдѣ самыя Грузины, перенявъ персидскіе обычаи, сидятъ на коврахъ или на тахтахъ. Употребленіе и самая форма мебели, сохранившейся между Сванетами, въ Осетіи, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана, относится къ глубокой древности. Обратившіе мое вниманіе предметы изображены въ особомъ приложеніи къ этой статьѣ. (*См. между рисунками Таб. III, № 27.*)

Хозяинъ радушно пригласилъ насъ приступить къ обѣду, но самъ съестъ съ нами не хотѣлъ, изъ уваженія къ намъ, а усѣлся, съ своимъ семействомъ и бывшими съ нами азнаурами, на коврахъ и войлокахъ, немного вдали отъ насъ; другая толпа простолодиновъ усѣлась на травѣ, и тутъ я замѣтилъ никогда и ничѣмъ не истребимое различіе кастъ. Я уговорилъ одного только деканоса съестъ съ нами, но онъ отъ стула отказался, а съелъ на землю. Угощеніе было сравнительно великолѣпное, и ровное для всехъ. Намъ подавали отличную форель, вареныхъ куръ, шашлыкъ, сыръ, сушеные яблоки, аракъ, и, — что рѣдкость въ томъ краѣ, — леджгумское вино. Хозяинъ, съ аристократическою щедростью, ничего не жалѣлъ; прислуживали его сыновья, но женщины стояли поодаль, или выглядывали изъ оконъ. Бѣсъда, начавшаяся

36106930
203-010133

дружно и прилично, вдругъ была прервана довольно характеристическимъ случаемъ: одинъ изъ плосколицыхъ нукеровъ незванаго на пиръ эфендія, нахально подошелъ къ намъ и усялся къ нашему столу съ намѣреніемъ раздѣлить нашъ обѣдъ. Подобный поступокъ можетъ вездѣ почтяться невѣжливостью, но на Востоку, гдѣ, въ особенности по мусульманскимъ обычаямъ, законъ чинопочитанія строго соблюдается, онъ становился наглою, злоумышленною грубостью и насмѣшкой въ виду народа. Я тотчасъ же велѣлъ прогнать незванаго гостя, который, оглядываясь съ безпокойствомъ на кручу, поспѣшно отретировался, къ общему удовольствію и хохоту большей части присутствовавшихъ; черезъ нѣсколько времени эфенди самъ явился съ извиненіями въ глупости своего слуги; но между пирующими начались толки и споры. Два азнаура изъ постороннихъ обществъ, и при томъ немного хмельные послѣ роскошнаго обѣда, до того разгорячились говоря о мусульманской вѣрѣ, что готовы были кинуться другъ на друга и уже хватались за кинжалы. Я съ трудомъ заставилъ ихъ помириться и обѣяться; смятеніе сдѣлалось общее. Одинъ хозяинъ не принималъ участія ни въ громкихъ толкахъ, ни въ шумномъ весельи; онъ разсказалъ мнѣ о причинѣ своего горя: на домъ его пала тяжкая обида требующая крови и мщенія. Не задолго передъ тѣмъ молодую жену его сына похитилъ какой то Деджгумской азнауръ. Пока она не будетъ возвращена, — на семействѣ Джапаридзе останется пятно, которое и кровью смыть нельзя. «Еслибы,» говорилъ мнѣ старикъ, указывая на Эльборусъ, у подножія котораго мы стояли, «всю эту гору обратить въ золото и отдать мнѣ въ замѣнъ моего безчестія, — то и тутъ я не почту себя удовлетвореннымъ. Богъ видитъ, мы истинные и крещеные Христіане, но мы не можемъ снести поношенія своему роду, и пока не отдадутъ мнѣ моей дочери, я буду мстить до послѣдняго издыханія.»—

Такія слова не могли показаться странными въ устахъ

человѣка, въ семействѣ коего дѣла кроваваго возмездія живутъ грознымъ преданіемъ. Онъ не можетъ забыть, что смерть его предка стоила всего благосостоянія Сванетіи. Я старался, сколько могъ утѣшить и обнадежить огорченнаго азнаура; но слѣзы гнѣвной досады свидѣтельствовали, что онъ сдержитъ свое слово; за тѣмъ мы поблагодарили его за дружелюбное гостепріимство и начали готовиться на дальнѣйшій путь. Въ вечеру насъ ожидалъ нашъ старый знакомый, Дадашъ Курдіани, въ *Муллахскомъ* обществѣ, отстоящемъ отъ Местійскаго верстахъ въ 8-и и находящемся уже въ верховьяхъ Мульхре, которая отъ самаго общества получаетъ и свое названіе.

Муллахское общество преимущественно аристократическое. Въ немъ живутъ азнаурскія семейства: Давдаріани, Иосиліани, Курдіани и Жоржаладзе. Съ нами ѣхали представители этихъ семействъ, а Дадашъ Курдіани, встрѣтившій насъ въ Местіи, поскакалъ впередъ, приготовить намъ пріемъ, — пріемъ, поразившій насъ своей неожиданностью. Какъ только начали мы подыматься къ селенію *Мушкіель*, раздался звонкій, мѣрный благовѣстъ. У церкви, недавно построянной и ярко выбѣленной, — въ противоположность сѣроватымъ стѣнамъ прочихъ полуразвалившихся, посвященныхъ нами, храмовъ, — стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Трудно выразить то впечатлѣніе, которое возбуждается при видѣ настоящаго Богослуженія, при слушаніи настоящей литургіи въ суровыхъ дебряхъ, въ вертепѣ закоснѣлаго невѣжества! . . . Душа какъ будто отдыхаетъ и на сердцѣ становится легко и отрадно.

Изъ всѣхъ 11-и обществъ Вольной Сванетіи одно Муллахское имѣетъ рукоположеннаго священника и то благодаря энергическому благочестію Дадаша Курдіани, коего я тутъ только могъ вполнѣ узнать и оцѣнить.

Съ радостнымъ умиленіемъ подошли мы ко кресту и къ рукъ сельскаго постыря. Служеніе началось. Князь

Микеладзе читаль Апостолы. Я молился о полу-дикомъ народѣ, о томъ, чтобъ прозрѣли его очи мышленія, о томъ, чтобъ святая вѣра освѣтила его своимъ благодатнымъ лучемъ и указала путь къ совершенствованію.... Мольбетвіе заключилось многолѣтіемъ Царскому Дому. Поразительнъ былъ шумный восторгъ Дзатальцевъ, вступавшихъ въ русское подданство, но едва ли не глубже врѣзалось въ душу моей воспоминаніе о смиренной христіанской молитвѣ въ убогой, но освященной церкви, въ устахъ настоящаго Іерея. По совершеніи литургіи мы отправились къ дому служителя церкви и тутъ я узналъ о нёмъ и о Дадашѣ нѣсколько любопытныхъ и трогательныхъ подробностей. Дадашъ первый во всей Вольной Сванетіи принялъ Св. крещеніе въ 1841 году. Слѣвавшись Христіаниномъ уже не по преданію, а по убѣжденію и по освященію таинствомъ, онъ началъ помышлять о томъ, какъ-бы уврочить въ Сванетіи настоящее Богослуженіе и распространить поданный имъ примѣръ. Для этого первыми условіями были: освященная церковь и рукоположенный священникъ. Къ сожалѣнію, и въ Сванетіи, какъ вездѣ, господствуютъ личные расчеты, зависть, страхъ къ нововведеніямъ; и въ Сванетіи тоже надо преодолевать препятствія и бороться съ невѣжествомъ, чтобъ достигнуть самой прекрасной цѣли. — Дадашъ встрѣтилъ сопротивленіе и въ народѣ и въ Муллахскихъ деканосахъ, опасавшихся потерять свое вліяніе. Ему отказали въ церкви, ему не позволили позаботиться о приготовленіи сына одного изъ деканосовъ въ духовное званіе. Ему рѣшительно воспротивились. Но Дадашъ родился съ правомъ стойкимъ и непреклоннымъ. Онъ купилъ въ горахъ бѣднаго сироту, отослалъ его въ духовное училище и сирота, по достиженіи совершеннолѣтія и по изученіи догматовъ православной вѣры, вернулся къ нему рукоположеннымъ Священникомъ. Дадашъ выстроилъ, частью на собственный счетъ, частью при пособіи отъ казны, новую церковь, и вотъ почему въ край, изо-

блудящемъ древними храмами, Богослуженіе совершается въ одномъ только, недавно отстроенномъ, златіи.

Теперь уже изъ отдаленныхъ обществъ приходятъ крещеные Сванеты въ Мушкіель, для совершенія духовныхъ требъ. Теперь уже по всему краю распространяется желаніе обратиться къ Православію, какъ свидѣлствуютъ просьбы, мною записанныя въ другихъ обществахъ, и крещеніе Сванетовъ въ Боржомъ. Я началъ глядѣть на Дадаша съ невольнымъ уваженіемъ и понялъ тогда, отчего, по одному его приказанію, уличенный воръ безпрекословно возвратилъ похищенное. Дадашъ—лице петнино замѣчательное. Ему лѣтъ 60. Онъ высокъ ростомъ, черноволосый съ просѣдью, подстригаетъ усы и волосы на головѣ, такъ что похожъ на портреты прежнихъ Украинскихъ Гетмановъ; голосъ у него сильный и грубый, выраженіе лица сурово, тѣлодвиженія рѣзки и быстры. Онъ одѣтъ чисто, носитъ сѣрую черкеску съ галуномъ и не разстается съ маленькой прямой шашкой, подаркомъ Полковника Колюбакина. Какъ все люди съ истиннымъ достоинствомъ, онъ не подозреваетъ своего превосходства; простъ въ обхожденіи, не хвастливъ и не высокомеренъ. Онъ началъ угощать насъ на дворѣ священника ужиномъ и, между прочимъ, подалъ крупный картофель, который онъ получилъ отъ М. П. Колюбакина и одинъ разводитъ въ цѣлой Сванетіи. Видно, что онъ заботится о духовномъ и о вещественномъ улучшеніи. Вечерній пиръ продолжался долго. Дадашъ не прочь и повеселиться. Онъ предложилъ намъ показать *тамашу*, (т. е. игры) на что мы охотно согласились. Сванеты, разгоряченные аракомъ, взяли руки, образовали кругъ и начали плясать и пѣть пѣсни, т. е. голосить какіе-то дикіе припѣвы. Подобный крикъ и верченье извѣстны въ Имеретіи подъ именемъ *оринано*. Взявшіеся подъ руки кружатся сперва медленно, а потомъ все быстрее и быстрее, съ тѣлодвиженіями, которымъ могъ бы позавидовать любой медвѣдь. Дадашъ не отставалъ отъ своихъ, вопилъ

дикимъ голосомъ и выкидывалъ ногами не хуже молодого человека. Я съ истиннымъ участіемъ смотрѣлъ на эту безсознательную простоту старика, оказавшаго своей родинѣ, силою непоколебимой воли, услугу неоцѣненную и незабвенную. Такъ прошелъ вечеръ. На другой день мы повхали по селеніямъ Муллахскаго общества. Ихъ семь: *Губра, Заардлашъ, Арцхель, Мушкель, Жамышъ, Лахыръ и Чолашъ.*

Передъ отъѣздомъ мы подошли къ благословенію нашего хозяина — священника, и я спросилъ его, не будетъ ли какого порученія?— «Нѣтъ,»—отвѣчалъ онъ смиренно:— «Обо мнѣ упоминать нечего. Мнѣ ничего не надо, и я «благодарю только Бога. Но если вы можете, не забудьте моего благодѣтеля. Ему я всею обязанъ. Вы сами «видите, что онъ здѣсь сдѣлалъ.» Такія слова приносятъ равно честь и благодѣтелю и тому, кто помнитъ благодѣяніе. — Мы простились съ Муллахскимъ священникомъ, Георгіемъ Гульбани, и, подѣхавъ къ одной оградѣ, посреди коей возвышалась небольшая старинная церковь, нашли ворота замкнутыми: ключа не было, деканось куда то сиратаяся. Провожавшій насъ Дадашъ разсердился не на шутку и началъ голосить по своему обыкновенію. По двору забѣгали, съ крикомъ, испуганныя женщины. Поднялась общая суматоха. Обнаружилось, что при видѣ нашего поѣзда, деканось и живущія на дворѣ женщины вообразили, что мы ѣдемъ съ тѣмъ, чтобъ силой забрать иконы изъ старой церкви и перенести ихъ въ церковь, построенную Дадашемъ. Эта одна черта объясняетъ достаточно, съ какими нелѣпыми и злобными суевѣрїями долженъ былъ бороться настойчивый и почтенный старикъ, чтобъ привести къ окончанію святое дѣло, имъ задуманное. Послѣ долгихъ объясненій насъ наконецъ впустили въ церковь, но я въ ней не нашелъ ничего замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи. Въ другой церкви, во имя Св. Георгія, близъ селенія Заардлашъ, куда насъ впустили безъ сопротивленія, я

нашелъ на большой храмовой серебряной иконѣ надпись: (см. между рисунками Табл. III, № 28 и во 2-мъ приложеніи № 10.)

Т. е. «Да вознесетъ Богъ царя царей Георгія и царину «царицъ Русулану и сына ихъ Баграта, которые украсили «икону сію Муллахскую Спасителя, во прощеніе грѣховъ «своихъ. Золотыхъ дѣлъ Мастеръ оной былъ Иване.»

На большомъ колоколѣ, висѣвшемъ на перекладинѣ между двумя столбами, изображено: (См. между рисунками Табл. III, № 29 и во 2-мъ приложеніи № 11.)

Что значить: «Святый Георгіе, будь молитвенникомъ и покровителемъ Ломкацу Кугидзе и супругъ его, дочери Джанаридзевой, Какопъ, и сыну ихъ помощи въ день оный Суда. Аминь.»

Кромѣ этого колокола, въ церкви хранится еще другой, малаго размѣра, поразившій меня своей вовсе-неожиданной надписью:

«1817 году вгороде Слободскомъ Василей Макушкинъ.» (см. между рисунками Табл. III, № 50.)

Наконецъ деканосъ показалъ мнѣ еще большой серебряный кубокъ, на которомъ было вырвано гражданскими грузинскими письменами: (см. между рисунками Табл. III, № 51 и во 2-мъ приложеніи № 12.)

«...Пожертвовалъ сей кубокъ Спасителю, мы, патронъ и царь Багратъ и супруга наша Тамаръ, во благопоспѣшеніе нашего царствованія. Сіе принадлежитъ царевнѣ Тинатинъ.»

Осмотрѣвъ мѣстныя древности, мы простились съ Дадашемъ Курліани. Онъ очень огорчался, что мы не оставались у него обѣдать, но не могъ сопутствовать намъ далѣе, по случаю рабочей поры и требующихъ хозяйскаго глаза распоряженій. Я отъ души пожелалъ ему успѣха во всѣхъ его начинаніяхъ. Дорога къ Мужальскому обществу, отстоящему отъ Муллахскаго не болѣе, какъ верстахъ въ 4-хъ, идетъ въ гору къ истоку р. Мулхре,

041936920
003:019033

черезъ каменистое, раздѣленное на рукава, ложе коей мы легко пробѣжали въ бродъ. Тутъ мы уже видѣли въ оврагахъ, находящихся на одной высотѣ съ селеніями, никогда не тающій снѣгъ. Подлѣ овраговъ густо зелнѣли высокія, сочныя травы, испещренныя крупными цвѣтами, на огромныхъ стебляхъ. Цвѣты тѣ же, которыми отличается наша нигерманландская флора, но размеры громадныя, и по крайней мѣрѣ въ четверо болѣе противъ нашихъ, жиденькихъ болотныхъ растений. Кстати, о сванетской растительности не лишнимъ будетъ замѣтить, что, неизвѣстно по какому поводу, распространилось на Кавказъ убѣжденіе, что будто-бы въ одной изъ Сванетій растетъ какое то чайное дерево; но я могъ на мѣстѣ убѣдиться что это сущая басня, а есть здѣсь *Vaccinium arctostaphylos* или *Vaccinium oxycoccos*, — родъ брусники, изъ чего дѣлаютъ отваръ неароматическій и не вкусный, не имѣющій никакого сходства съ чаемъ.

Не довзжая до Мужальскаго общества, мы видѣли желѣзно-кислый источникъ, но не знаю, отъ этого ли источника, или отъ другихъ ключей, возникаетъ страшная болѣзнь кретинизма, имѣющая послѣдствіемъ шейныя наросты, которые въ особенности часто встрѣчаются въ обществахъ: Мужальскомъ и, смежномъ съ нимъ, Адышскомъ. Первое состоитъ изъ трехъ селеній: *Чабіани*, *Цолдаш* и *Жабетъ*. Въ нихъ живетъ только одинъ азнауръ, *Гели Госселиани*, крестившійся въ Боржомѣ, человекъ весьма умный и, для края, образованный. Во время нашего переезда мы выесли единственный проливной дождь, выпавшій въ теченіе всего нашего девятидневнаго странствованія по Вольной Сванетіи. Постоянная, хорошая погода, обратившая наше путешествіе въ любопытную прогулку, не мало тоже способствовала радушному приѣму, встрѣченному нами повсюду. У туземцевъ существуетъ повѣрье, что появленіе между ними чужихъ людей сопровождается всегда бурями и, въ особенности, градомъ, посылаемымъ Божіимъ гнѣвомъ въ видѣ наказанія. На этотъ

разъ повтрѣе не оправдывалось и, благодаря теплой погодѣ первыхъ чиселъ Августа, Сванеты въ насъ видѣли не только не враговъ, но людей, пришедшихъ для ихъ блага.

Въ Мужальскомъ обществѣ мы остановились тоже у нашего стараго знакомаго, простолюдина Казимулата Шерашидзе. Онъ сопутствовалъ Полковнику Колюбакину и раненъ въ то время, какъ Местійцы, быть можетъ по наущенію магометанъ, вздумали стрѣлять при случившемся въ то время замѣшательствѣ. — Однако общество было приведено въ покорность, равно какъ и Ушкульское, Кальское, Ипарское, Адышское, Муллахское и Мужальское. Такимъ образомъ Полковникъ Колюбакинъ присоединилъ къ числу Русскихъ подданныхъ семь обществъ. Въ послѣдствіи Князь Микеладзе склонилъ къ повинновенію два общества: Цюрмійское и Эльское. Мнѣ выпало на долю счастье довершить дѣло, принявъ присягу отъ послѣднихъ и упорнѣйшихъ двухъ обществъ: Латальского и Ленджерскаго. Нынѣ всѣ одиннадцать обществъ Вольной Сванети, въ полномъ ихъ составѣ, единодушно, по собственному внушенію, считаютъ себя подвластными Русской Державѣ.

Шерашидзе, хотя и простолюдинъ, но, какъ оказавшій рвеніе при Русскихъ, да и по природнымъ своимъ качествамъ, пользуется общимъ уваженіемъ. У него въ домѣ я познакомился съ его дочерью, 18-и лѣтней женщиной, только что вышедшей за-мужъ, и красоты поразительной. Высокая, стройная, русая, съ ослѣпительной свѣжестью лица, съ большими голубыми глазами, съ кроткой улыбкой, — она вполне красавица, какихъ я въ Сванетіи не видалъ. Она приняла насъ безъ застычивости, но и безъ жеманства, съ восточнымъ достоинствомъ.

Когда мы вошли къ ней, она слегка привстала, но тотчасъ же опять села, управляя разговоромъ не хуже какой нибудь свѣтской дамы. На ней было шелковое, красное платье съ широкимъ синимъ поясомъ, поддерживаемымъ серебряными бляхами; на голову былъ накинутъ платокъ, а въ уши были продѣты огромныя сереб-

ряныя серьги въ видѣ круговъ. Подобныя серьги изображаются на старинныхъ портретахъ Тамары.

Какъ бы въ противоположность прекрасному явлению, веселившему наши взоры, въ соседней комнатѣ дико кричалъ братъ хозяина, дошедшій отъ кретинизма до бѣшенства. Несчастный сидѣлъ подъ замкомъ на привязи и наполнялъ домъ страшными, не человѣческими воплями. Визитъ нашъ продолжался не много. Поглядѣвши вдоволь на лучшій цвѣтокъ снѣжной Сванетіи, мы откланялись, закусили и снова пустились въ дорогу. Въ Мужальской главной церкви, я нашелъ одну только надпись на колоколѣ, но такъ какъ колоколъ висѣлъ высоко, я не могъ ее списать. Она относится къ временамъ царя Александра.

На пути къ небольшому Адышскому обществу, состоящему только изъ двухъ селеній: *Адышь* и *Загеръ*, мы должны были перѣѣхать черезъ небольшой переваль, къ верховьямъ рѣчки *Адышь-Чала*, впадающей, ниже, въ Ингуръ. Съ вершины перевала, покрытаго сперва кустарникомъ, а потомъ альпійскими злаками, открывается величественный видъ на большую часть Сванетіи.

Рѣчка вытекаетъ изъ подножія горы *Адышба* или *Тутьба*. Тутъ расположены два Адышскія селенія. Третье совершенно вымерло отъ чумы, наиболѣе здѣсь свирѣпствовавшей въ 1812 году. Адышское общество, по своимъ правамъ, сходно съ Ленджерскимъ. Оно тоже исключительно плебейское, трудолюбивое, и съ большими усилиями добываетъ скудную жатву ржи и овса.

Мы остановились у старшины и жители показывали намъ своихъ малолѣтнихъ дочерей, хвастаясь, что послѣдовали совету Князя Микеладзе и оставили ихъ живыми. Понынѣ въ вольной Сванетіи, благодаря вліянію вновь теперь поставленнаго Пристава, послѣ перваго его пребыванія въ край, спасено отъ смерти, въ теченіе 5-и лѣтъ, 114 дѣвочекъ. Мы пріѣхали въ Адышь уже поздно и легли вскорѣ отдыхать.

На другой день намъ показывали на развалины Царскаго дворца, расположеннаго на утесъ, надъ рѣкою. Дворецъ этотъ отличался отъ здѣшнихъ замковъ только бѣльшимъ размѣромъ оконъ. Сюда, по разсказамъ туземцевъ, царь, (вѣроятно Александръ) прѣзжалъ каждое лѣто. Получивъ подать, онъ отправлялся въ свои другія владѣнія. Вообще, въ Сванетіи сохранились преданія о двухъ царственныхъ особахъ: Тамарѣ и Александрѣ. Въ Тамарѣ олицетворяется благоденствіе края, въ Александрѣ — его злополучіе.

Въ Адышской небольшой церкви я нашелъ слѣдующія надписи :

1., на серебряномъ крестѣ: *(см. между рисунками Таб. III, № 52 и во 2-мъ приложеніи № 15.)*

«Святый Θεодоре! предстательствуй у Христа о душѣ Зе. Аминь.»

2., на колоколѣ: *(см. между рисунками Таб. III, № 55 и во 2-мъ приложеніи № 14.)*

«Мы, патронъ-царь Александръ, пожертвовали колоколъ сей Адышской церкви, въ Сванетіи, въ долгоденствіе наше, благопоспѣшеніе, и грѣховъ нашихъ прощеніе.»

Тутъ же хранится превосходное пергаменное Евангеліе хуцури.

Дорогой я наскоро срисовалъ профили возвышавшихся передъ нами горъ: Эльборуса и Адышбы или Тютъбы. *(См. между рисунками Таб. III, № № 54 и 55.)*

Въ то время, какъ мы карабкались по труднымъ подъемамъ извилистой тропинки, навстрѣчу къ намъ приближалъ какой то запыхавшійся Сванецъ, въ рубищѣ. Добѣжавъ до меня, онъ ринулся бѣземъ, на спину, и началъ вопить и барахтаться, какъ-бы въ припадкѣ падучей болѣзни. Мнѣ объяснили, что онъ проситъ пособія. Я подалъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ, но онъ отбросилъ ихъ съ негодованіемъ, сказавъ, что я долженъ его обогатить. Обогатить, кого бы то ни было, становилось для

меня, по известнымъ мнѣ причинамъ, весьма затруднительно. Я не почелъ нужнымъ вступать въ дальнѣйшій разговоръ съ буйнымъ нищимъ; замѣтилъ ему только, что всякое даяніе благо,—и повзды нашъ снова тронулся. Сванеть, видя, что на этотъ разъ его надежды не осуществятся, подобралъ брошенные имъ деньги и поплелся куда глаза глядятъ. Я узналъ, что онъ за пьянство и воровство изгнанъ изъ своего селенія и скитается повсюду, какъ бродяга. Такимъ образомъ приговоры общественнаго мнѣнія и опасенія мести замѣняютъ собою въ горахъ гражданскія и полицейскія учрежденія.

Гела Юсселиани, примкнувшій къ намъ и провожавшій насъ до Кутанса, видимо огорчился невыгоднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня жадностью просителя милостыни. «Вы насъ извините,» говорилъ онъ, «мы денегъ никогда не видимъ; у Сванетовъ ума не много, но они и послѣдній теряютъ при видѣ денегъ. Если имъ встрѣтится красный воротникъ, они думаютъ, что все выюки у него набиты золотомъ, и тогда забываютъ всякое приличіе.»—

Я старался утѣшить благоразумнаго азнаура, но вскорѣ имѣлъ случай снова испытать справедливость его сознанія. Между Адышскимъ обществомъ и Ушкульскимъ, куда мы вѣхали, находилось неосмотрѣнное еще нами селеніе *Халдѣ*, Кальскаго общества. Тутъ мы остановились подъ навѣсомъ сарая, гдѣ встрѣтилъ насъ старый деканосъ. Разговорившись съ нимъ, я, на скорую руку, снялъ съ него портретъ. (см. между рисунками Табл. III, № 56.)

Мы уже хотѣли, отдохнувъ, приступить, по обыкновенію, къ осмотру церкви, — какъ встрѣтили неожиданное препятствіе: одинъ молодой Сванеть бросился къ дверямъ и, разсвирѣпѣвъ, кричалъ, что насъ не впуститъ. Такъ какъ, для впуска въ церковь, необходимо общее согласіе всехъ сельскихъ жителей, то деканосъ и старшины принялись уговаривать оказывавшаго сопротивленіе.

Я думалъ, что онъ одушевленъ какимъ нибудь грубымъ фанатизмомъ, но фанатизмъ его объяснился самымъ прозаическимъ и пошлымъ образомъ. «Они, — кричалъ Сванетъ, — ночевали два раза въ нашемъ селеніи Довберъ, — а у насъ не ночуютъ и одного раза. Довберъ-цевь они обогатили за постой, а намъ ничего не дадутъ! Пускай они останутся у насъ на ночь, заплатятъ хорошо, и тогда пусть смотрятъ, что хотятъ.»

На это предложеніе мы, разумется, не согласились и, послѣ долгихъ криковъ, споровъ и суматохи, насъ наконецъ пустили въ церковь, гдѣ я ничего не нашелъ замѣчательнаго. Изъ деревни Халдѣ намъ предстояло проѣхать до Ушкульскаго общества, верстъ пятнадцать, по самой трудной дорогѣ, косогорами. Почти въ двухъ третяхъ дороги, мы переправлялись черезъ мостъ, брошенный надъ бездной между двухъ высокихъ отвѣсныхъ стѣнъ, страшно-глубокаго ущелья. Этотъ истинный чортовъ мостъ состоитъ изъ двухъ перекладинъ, перевитыхъ дырчатымъ плетнемъ. Длина его—шаговъ тридцать. Перилъ на немъ, разумется, никакихъ нѣтъ. Онъ гнѣтся и качается подъ ногами. Чрезъ скважины плетня видно, какъ, далеко внизу, саженьяхъ въ десяти отвѣснаго паденія, вьется и клубится бѣшеная рѣка. Мы перебрались по одиначкѣ и, признаюсь, я вздохнулъ свободно только ужѣ на противоположномъ берегу. Лошадей провели поочередно за поводья. Совершивъ это акробатическое восхожденіе, мы къ вечеру дотянулись до Ушкульскаго общества. Въ немъ четыре селенія: *Жибіани*, *Чубіани*, *Ча-ажашъ* и *Муркмель*. Мы остановились въ селѣ *Жибіани*, самомъ высокомъ изъ всехъ селеній Вольной Сванетіи, и расположенномъ близъ истока Ингура. Тутъ кругомъ, въ оврагахъ, вѣчно-нетающій снѣгъ.

Ушкульское общество очевидно населено выходцами изъ *Имеретіи*. Жители говорятъ по грузински; женщины ходятъ въ грузинскихъ платьяхъ; деканосы одѣты въ черныя рясы съ мѣдными крестиками на груди, отпус-

каютъ бороды и длинныя волосы, какъ наши церковныя причетники.

Ушкульцы отличаются кротостью своихъ нравовъ, не знаютъ кровомщенія, поворожденныя дѣвочки никогда не душили, соблюдаютъ строго посты, и не подадутъ никому скоромнаго по средамъ и пятницамъ. Лица ихъ правильны, волосы черны, на видъ они совершенно схожи съ Имеретинами. Они рассказываютъ, что выселены при Тамарѣ изъ Рачи. Между ними наиболѣе сохранилась память о великой грузинской царицѣ, которая, по ихъ убѣжденію, похоронена въ одной изъ ихъ церквей. Еще при вѣздѣ моему въ вольную Сванетію, я видѣлъ издали развалины дворца грузинской Семирамиды; теперь онъ грозно возвышался надъ головой моею, и я заснулъ въ пріятномъ ожиданіи отыскать на слѣдующій день какія нибудь невѣдомыя драгоценности. Но, къ сожаленію, ожиданія мои не оправдались, и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Когда мы проснулись, намъ пришли объявить, что старшины и деканосы держатъ совѣщаніе о томъ, можно ли насъ впустить въ церковь. Послѣ долгихъ преній, общаго, необходимаго согласія не воспоследовало, и насъ просили обождать еще до слѣдующаго дня. На это я не согласился, а назначилъ два часа для рѣшительнаго отвѣта. По минованіи этого срока, Ушкульцы снова просили насъ повременить отъѣздомъ, присовокупляя, что они покорны, преданы, послушны; что они Князя Микеладзе знаютъ и любятъ; что они передаютъ себя въ нашу власть, — но что въ церкви насъ впустить не могутъ. Это странное упорство, въ наиболѣе образованномъ обществѣ всей вольной Сванетіи, объяснилось впоследствии распущеннымъ о насъ пельнымъ слухомъ, что мы ѣдимъ по краю съ цѣлію отыскать гробницу Тамары и отвезти ея кости въ Тифлисъ. Я долженъ былъ довольствоваться нѣкоторыми, весьма неудовлетворительными и противорѣчащими между собою, отзывами туземцевъ: иные утверждали, что

въ Ушкульскихъ церквахъ хранятся сундуки съ большимъ количествомъ серебряной утвари; переводчикъ Микэ говорилъ, напротивъ, что серебра нѣтъ, а упоминалъ о какихъ-то рогахъ необыкновенной величины, и о драгоценныхъ какихъ-то серьгахъ, принадлежавшихъ, по общему убѣжденію, царицѣ Тамарѣ.

Князь Микеладзе, обязанный, по дѣламъ службы, возвратиться въ вольную Сванетію, общалъ мнѣ со временемъ исполнить этотъ невольный пробѣлъ въ моихъ запискахъ, хотя я и не ожидаю, чтобы надписи Ушкульскихъ церквей могли содержать въ себѣ что нибудь важное въ историческомъ отношеніи.

За тѣмъ развѣзды наши по вольной Сванетіи оканчивались. Мы выѣхали изъ селенія Жибіани немного озадаченные странною възливостію его жителей, изъ коихъ до двадцати человекъ догнали насъ на горѣ, на которую мы начали подниматься, и осыпали насъ извиненіями и увѣреніями въ своей преданности: они видимо опасались послѣдствій своего отказа. Я съ ними распростился и, утомленный безпрерывными девятидневными впечатлѣніями, спѣшилъ отдохнуть. Дорога наша лежала пѣзко, чрезъ извѣстный уже Латнарскій переваль. На самой вершинѣ догналъ насъ пріятель нашъ Сурамъ, не сопутствовавшій намъ въ нижнихъ обществахъ по причинѣ какихъ-то старыхъ грѣховъ и числившейся за нимъ криви.

Онъ весело насъ привѣтствовалъ, разспрашивалъ про нашу повѣзку и преуморительно передразнивалъ своихъ соплеменниковъ и ихъ выпрашиваніе подарковъ. Спустившись съ Латнарской горы, мы остановились для продолжительнаго отдыха въ замкѣ *Луджи*, у Иване, мдианца Лашхетскаго. Изъ Луджи мы проѣхали черезъ *Сасашъ*, миновали переваль, разделяющій Дадьяновскую Сванетію отъ Леджгума, и остановились на короткое время въ помѣщицкѣмъ имѣніи Княгини *Гелоани*. Оттуда мы доѣхали до Дадьяновскаго замка *Лайлашъ*; а на границѣ

Богэуальскаго участка (Кутанс. губ.) пашли высланныхъ къ намъ на встрѣчу отъ засѣдателя лошадей. Къ вечеру мы пріѣхали въ монастырь *Никортимиде*, въ подробности описанный Г-мъ Броссе. Тутъ я нашелъ одного молодаго Свагета, отданнаго въ ученіе неутомимою заботливостію Дадаша Курдіани, который не сказывалъ мнѣ, впрочемъ, ничего объ этомъ обстоятельстве. Изъ *Никортимиде* мы въ одинъ день пріѣхали въ Кутанс.

Л-С. приложенье.

Берт	Берт
на им. Св. Анны	на им. Св. Анны
Небо	Небо
Ангела	Ангела
на им. Св. Анны	на им. Св. Анны
Генри	Генри
Некро	Некро
на им. Св. Анны	на им. Св. Анны
Олив	Олив
Генри	Генри
Эдвард	Эдвард
Иеремия	Иеремия
на им. Св. Анны	на им. Св. Анны
Лето	Лето
Олив	Олив

საქართველოს
ხალხთა ენათმეცნიერების
ინსტიტუტი

ПРИЛОЖЕНИЯ

къ

„ПОВѢДКЪ ВЪ ВОЛЬНУЮ СВАНЕТІЮ.“

1-е приложение.

Сванетскій языкъ почти совершенно не извѣстенъ. Я счелъ полезнымъ записать нѣсколько словъ, а также примѣры склоненій и спряженій. Прилагаемый краткій словарь, равно какъ и примѣры спряженій и склоненій, могутъ представить нѣкоторую занимательность для Гг. лингвистовъ.

Богъ	<i>Гербетъ.</i>	Заря	<i>Зиноръ.</i>
въ кн. Сван.	<i>Герметъ.</i>	Утро	<i>Ламъ.</i>
Небо	<i>Децъ.</i>	Вечеръ . . .	<i>Набозъ.</i>
Ангель . . .	<i>Гкеръ.</i>	Сегодня . . .	<i>Лади.</i>
въ кн. Сван.	<i>Анлезъ.</i>	Завтра	<i>Мыхаръ.</i>
Святый . . .	<i>Цхельянъ.</i>	Понедѣльникъ	<i>Дѣштмишъ.</i>
Церковь . . .	<i>Лахвამъ.</i>	Вторникъ . .	<i>Тахашъ.</i>
въ кн. Сван.	<i>Лахвми.</i>	Среда	<i>Джемашъ.</i>
Огонь	<i>Лемескъ.</i>	Четвергъ . .	<i>Цаашъ.</i>
Солнце . . .	<i>Мыжъ.</i>	Пятница . . .	<i>Вебшишъ.</i>
Луна	<i>Доштулъ.</i>	Суббота . . .	<i>Саптинъ.</i>
Звѣзды . . .	<i>Антхузиаръ.</i>	Воскресенье.	<i>Мыжладехъ.</i>
въ кн. Сван.	<i>Антхвасгаръ.</i>	Весна	<i>Лунхвъ.</i>
Полдень . . .	<i>Иселадехъ.</i>	Лѣто	<i>Зай.</i>
Полночь . . .	<i>Исметъ.</i>	Осень	<i>Мужгверъ.</i>

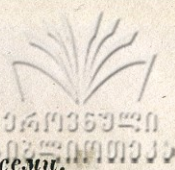
Зима . . . . . *Ասիտհ.*
 Жарь . . . . . *Ату.*
 Холодъ . . . . . *Муцхи.*
 Облако . . . . . *Мере.*
 Тьнь . . . . . *Рисъ.*
 въ кн. Сван. *Мангаль.*
 Молнія . . . . . *Дихлалъ.*
 Ударъ молніи *Мехъ.*
 Громъ . . . . . *Дирхуналъ.*
 Градъ . . . . . *Скархалъ.*
 Дождь . . . . . *Учха.*
 Вѣтеръ . . . . . *Биквъ.*
 Морозъ . . . . . *Кваренъ.*
 Темнота . . . . . *Мубюръ.*
 Снѣгъ . . . . . *Мусъ.*
 Вода . . . . . *Ацъ.*
 Рѣка . . . . . *Чалай.*
 Родникъ . . . . . *Сарагъ.*
 Притокъ . . . . . *Твибра.*
 Земля . . . . . *Веръ.*
 Камень . . . . . *Бачъ.*
 Гора . . . . . *Тани.*
 въ кн. Сван. *Лаквъ.*
 Хребетъ . . . . . *Заеръ.*
 Каменная -
 гора . . . . . *Коджъ.*
 Лѣсная го- *Ацхекъ-Та-*
 ра . . . . . *нахъ.*
 Оврагъ . . . . . *Чала.*
 Лѣсъ . . . . . *Ацхекъ.*
 Поле . . . . . *Миндверъ.*
 Мостъ . . . . . *Богъ.*
 Дорога . . . . . *Шукъ.*
 Трава . . . . . *Чкиваръ.*
 Сѣно . . . . . *Чемъ.*
 Цвѣты . . . . . *Мугвай.*

Рожь . . . . . *Манайъ.*
 Овесъ . . . . . *Майденаръ.*
 въ кн. Сван. *Зинте.*
 Ячмень . . . . . *Чеминъ.*
 Пшеница . . . . . *Куеценъ.*
 Горохъ . . . . . *Рогъ.*
 Мука . . . . . *Пекъ.*
 Хлѣбъ . . . . . *Діаръ.*
 Говядина . . . . . *Левъ.*
 Ветчина . . . . . *Леръ.*
 въ кн. Сван. *Апехтъ.*
 Жиръ . . . . . *Нацмунъ.*
 Рыба . . . . . *Калмахъ.*
 Вино . . . . . *Гвинель.*
 Медъ . . . . . *Тви.*
 въ кн. Сван. *Сараджъ.*
 Молоко . . . . . *Лудже.*
 Яйцо . . . . . *Лре.*
 Быкъ . . . . . *Ханъ.*
 Корова . . . . . *Пюръ.*
 Баранъ . . . . . *Гвслиакъ.*
 Лошадь . . . . . *Чаажъ.*
 Собака . . . . . *Жегъ.*
 Овца . . . . . *Зурай.*
 Свинья . . . . . *Хамъ.*
 Волкъ . . . . . *Тхере.*
 Медвѣдь . . . . . *Даштъ.*
 Курица . . . . . *Каталъ.*
 Пѣтухъ . . . . . *Гхвичъ.*
 въ кн. Сван. *Мамюль.*
 Птица . . . . . *Напоолъ.*
 въ кн. Сван. *Напръ.*
 Воскъ . . . . . *Джвидъ.*
 Муравей . . . . . *Муришъ.*
 въ кн. Сван. *Мышхъ.*
 Змья . . . . . *Вичъ.*

ᠵᠠᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠰᠤ
ᠵᠠᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠰᠤ

Человекъ	Маре.	Мужъ	Гавжъ море.
Домъ	Коръ.	Жена	Хеху.
Дереви	Сопель.	Отець	Му.
Башня	Мурквямъ.	Мать	Деде.
Крыша	Акаръ.	въ кн. Сван. Ди.	
Потолокъ	Диръ.	Дядя	Буба ^л лбидзой
Полю	Квелмъ.	Тетка	Гиа.
Стѣна	Чвадъ.	Дѣдъ	Баба.
Окно	Лахера.	Старикъ	Мечл.
Заборъ	Нашхатъ.	Женщина	Зуралъ.
Анбаръ	Лашадъ.	Дитя	Чхьитъ.
Гумно	Калъ.	въ кн. Сван. Налвжуръ.	
Мякишница	Торпазъ.	Сынъ	Гезалъ.
Мельница	Лекверъ.	Дочь	Дина.
Плугъ	Ганцвишъ.	Братъ	Мухбе.
Борова	Лазадиръ.	Сестра	Дачуръ.
Коса	Мерчалъ.	Племянникъ	Небашинъ.
Топоръ	Када.	Дѣвица	Асуеъ.
Ножъ	Гячъ.	въ кн. Сван. Асвишъ.	
Столъ	Табавъ.	Слуга	Памли.
Стулъ	Скямъ.	Кормилица	Дзизай.
Ложка	Кошъ.	Голова	Тхумъ.
Стаканъ	Чикъ.	Лице	Пиръ.
Полотенце	Лакуцаиъ.	въ кн. Сван. Вицкъ.	
Гребень	Латхиръ.	Лобъ	Небъа.
Серги	Лештимъ.	Глаза	Тераръ.
Кафтанъ	Осаръ.	Брови	Немаръ.
Шуба	Хешъ.	Рѣсницы	Талана.
Холстъ	Канъ.	Волосы	Патваръ.
въ кн. Сван. Сгиръ.		Щеки	Хакборъ.
Рубаха	Натанъ.	Носъ	Непхуна.
Шапка	Пакъ.	Ротъ	Шила.
Поясъ	Ларткъ.	Зубы	Штикаръ.
Чулки	Циндаръ.	Языкъ	Нинъ.
Сапоги	Чапларъ.	Подбородокъ	Некпа.
Пистолеть	Лаллатаръ.	Борода	Лацпура.

въ кн. Сван. <i>Вере.</i>	13	<i>Гешдъ семѣ.</i>
Шея . . . . . <i>Кинчхъ.</i>	14	<i>Геш. воштхвъ.</i>
Уши . . . . . <i>Штамраръ.</i>	15	<i>Геш. вохвишдъ</i>
Плечо . . . . . <i>Борджъ.</i>	16	<i>Гешдъ усѣва.</i>
Спина . . . . . <i>Сикъ.</i>	17	<i>Геш. шшгидъ.</i>
въ кн. Сван. <i>Чараръ.</i>	18	<i>Гешдъ оро.</i>
Руки . . . . . <i>Тотаръ.</i>	19	<i>Гешдъ чхара.</i>
Ногти . . . . . <i>Цхараръ.</i>	20	<i>Гервешдъ.</i>
Грудь . . . . . <i>Квомаръ.</i>	21	<i>Гервеш. ешху.</i>
въ кн. Сван. <i>Мучедъ.</i>	22	<i>Гервешдъ іори.</i>
Животъ . . . . . <i>Хадъ.</i>	50	<i>Семешдъ.</i>
Бокъ . . . . . <i>Хасиль.</i>	51	<i>Семешдъ ешху</i>
въ кн. Сван. <i>Лесъ.</i>	40	<i>Воштхвешдъ.</i>
Палець . . . . . <i>Пхуле.</i>	41	<i>Воштх. ешху.</i>
Кольцо . . . . . <i>Кутуль.</i>	50	<i>Вохвишешдъ.</i>
Нога . . . . . <i>Чшхъ.</i>	51	<i>Вохвиш. ешху</i>
Кость . . . . . <i>Джиджъ.</i>	60	<i>Усѣвашдъ.</i>
Кровь . . . . . <i>Зизъ.</i>	70	<i>Ишгдашдъ.</i>
въ кн. Сван. <i>Зисхъ.</i>	80	<i>Арашдъ.</i>
Кровомъщеньс <i>Лицури.</i>	90	<i>Чхарашдъ.</i>
Годъ . . . . . <i>Зай.</i>	100	<i>Ашъръ.</i>
Недѣля . . . . . <i>Нази.</i>	1000	<i>Атасъ.</i>
День . . . . . <i>Ладегъ.</i>	Хорошо	<i>Хочо.</i>
Подарокъ . . . . . <i>ходъ.</i>	Дурно	<i>Хола.</i>
Однѣ . . . . . <i>Эиру.</i>	Добрый	<i>Езаръ.</i>
Два . . . . . <i>Іори.</i>	Злой	<i>Легъ.</i>
Три . . . . . <i>Семѣ.</i>	Большой	<i>Дзгидъ.</i>
4 . . . . . <i>Воштхвъ.</i>	въ кн. Сван. <i>Хоша.</i>	
5 . . . . . <i>Вохвишдъ.</i>	Малый	<i>Котль.</i>
6 . . . . . <i>Усѣва.</i>	въ кн. Сван. <i>Хохра.</i>	
7 . . . . . <i>Ишгидъ.</i>	Красный	<i>Цырѣ.</i>
8 . . . . . <i>Ара.</i>	Черный	<i>Мешхе.</i>
9 . . . . . <i>Чхара.</i>	Бѣлый	<i>Тетвие.</i>
10 . . . . . <i>Гешдъ.</i>	Я	<i>Ми.</i>
11 . . . . . <i>Гешдъ ешху.</i>	Ты	<i>Си.</i>
12 . . . . . <i>Гешдъ іери.</i>	Онъ	<i>Еджѣ.</i>

Мы	Най.	Ссориться . . .	Лидзай.
Вы	Слй.	Просить . . .	Лисхра.
Они	Сджаръ.	Приказывать	Лискодъжъ.
Мой	Мишги.	Благодарить .	Ашамъ.
Твой	Исги.	Молиться . . .	Лимзири.
Его	Еча.	Давать	Ливди.
Нашъ	Нишге.	Братъ	Ликедъ.
Вашъ	Исге.	Быть	Ликеръ.
Ихъ	Еджаре.	Рашиъ	Ликчи.
Этo	Ала.	Убивать	Лидгари.
въ кн. Сван.	И.	Хоронить . . .	Лишгуи.
Чей	Иша.	Прятать	Лишхви.
Кто	Хеда.	Показывать . .	Лицюене.
Здѣсь	Аме.	Принимать . . .	Ликедъ.
въ кн. Сван.	Чу.	Заставлять . .	Личмауи.
Тамъ	Ече.	Плакать	Ливни.
И	И.	Смѣяться	Личонс.
Отъ	Ханъ.	Бзидъ вер-	
Съ	Цаханъ.	хомъ	Чаажъ аскуръ
Безъ	Уръ.	Добрый день.	Хочавъ ладетъ
У	Мыкъ.	Добрая ночь.	Хоча летъ.
Объ	Го.	Что хочешь.	Май джаку.
На	Жикъ.	Хочу	Маку.
		Не хочу	Мадъ маку.
Ходить	Лизелалъ.	Люблю	Малатъ.
Лежать	Ликуре.	Скажи	Хека.
Сидеть	Лискуре.	Что скажешь	Имъ рекине,
Спать	Ливже.	Что скажешь	Маямбаваъ -
Пѣть	Лигролъ.	новаго	ракунии.
Говорить	Лимыроги.	Подите сюда.	Катеръ миш-
въ кн. Сван.	Лыргоди.		гвате.
Думать	Лигунеси.	въ кн. Сван.	Ашъ агеръ.
въ кн. Сван.	Лискре.	Хорошій че-	
Молчать	Мучхвидъ м-	ловекъ	Хоча маре.
	рде.	Ей Богу	Гербетъ ва-
Спорить	Литавстель.		ранъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

въ кн. Сван. *Герметю.*
 Читать . . . *Личдане.*
 Писать . . . *Лири.*
 Учиться . . . *Литери.*
 Стараться . . *Гуилуре.*

ПРИМѢРЪ СКЛОНЕНІЯ.

Человѣкъ . . . *Маре.*
 Человѣка . . *Мара.*

Человѣку . . *Маремште,*
 — — — *марате.*
 Человѣкомъ . *Маровишъ,*
 — — — *марацаханъ.*
 О человѣкѣ . *Марага.*
 Люди . . . . *Маралъ.*
 Людей . . . . *Маралсъ.*
 Людямъ . . . . *Маралте.*
 Людьми . . . . *Маралшевъ.*
 О людяхъ . . *Маралла.*

ПРИМѢРЫ СПРЯЖЕНІЙ.

Быть	<i>Дурде.</i>
Я есмь	<i>Ми хви.</i>
Ты еси	<i>Си хи.</i>
Онъ есть	<i>Еджи ли.</i>
Мы есьмы	<i>На васдъ.</i>
Вы есте	<i>Ся хасдъ.</i>
Они суть	<i>Еджаръ ласхвъ.</i>
Я былъ	<i>Ми хвасхвъ.</i>
Ты былъ	<i>Си хасвъ.</i>
Онъ былъ	<i>Еджи ласвъ.</i>
Мы были	<i>На хвасдъ.</i>
Вы были	<i>Ся хасдъ.</i>
Они были	<i>Еджаръ ласхъ.</i>
Я буду	<i>Ми хвири.</i>
Ты будешь	<i>Си хири.</i>
Онъ будетъ	<i>Еджа ири.</i>
Мы будемъ	<i>На хваридъ.</i>
Вы будете	<i>Ся харидъ.</i>
Они будутъ	<i>Еджаръ ирихъ.</i>
Будь ты	<i>Хасвъ си.</i>
Да будетъ онъ	<i>Лесесъ еджа.</i>
Будьте вы	<i>Хасадъ ся.</i>
Да будутъ они	<i>Лесехъ еджаръ.</i>

ᠳᠡᠪᠠᠳᠤ
ᠰᠢ ᠬᠢᠴᠢ

Дѣлать	<i>Дилме.</i>
Я дѣлаю	<i>Ми хвичо.</i>
Ты дѣлаешь	<i>Си хичо.</i>
Онъ дѣласть	<i>Еджа ичо.</i>
Мы дѣлаемъ	<i>На хвичотъ.</i>
Вы дѣласте	<i>Ся хичотъ.</i>
Они дѣлають	<i>Еджаръ ичохъ.</i>
Я дѣлалъ	<i>Ми чвемнъ.</i>
Ты дѣлалъ	<i>Си чемнъ.</i>
Онъ дѣлалъ	<i>Еджнемъ чемнъ.</i>
Мы дѣлали	<i>На чвеминдъ.</i>
Вы дѣлали	<i>Ся чвеминдъ.</i>
Они дѣлали	<i>Еджардъ чвеминихъ.</i>
Я буду дѣлать	<i>Ми хвичо ечумо.</i>
Ты будешь дѣлать	<i>Си хичо ечумо.</i>
Онъ будетъ дѣлать	<i>Еджа ичо ечумо.</i>
Мы будемъ дѣлать	<i>На хвичодъ ечумо.</i>
Вы будете дѣлать	<i>Ся хичодъ ечумо.</i>
Они будутъ дѣлать	<i>Еджаръ ичохъ ечумо.</i>
Дѣлай — ты	<i>Чвемнъ си.</i>
Пусть дѣласть онъ	<i>Чвеминасъ еджнемъ.</i>
Дѣлайте вы	<i>Чвеминдъ ся.</i>
Пусть дѣлають они	<i>Чвеминахъ еджардъ.</i>
Ходить	<i>Дизелалъ.</i>
Я хожу	<i>Ми хвизелалъ.</i>
Ты ходишь	<i>Си хизелалъ.</i>
Онъ ходитъ	<i>Еджа изелалъ.</i>
Мы ходимъ	<i>На хвизелалтъ.</i>
Вы ходите	<i>Ся хизелалтъ.</i>
Они ходять	<i>Еджардъ изелалхъ.</i>
Я ходилъ	<i>Ми хвардъ.</i>
Ты ходилъ	<i>Си хардъ.</i>
Онъ ходилъ	<i>Еджа арда.</i>
Мы ходили	<i>На хвардатъ.</i>
Вы ходили	<i>Ся хардатъ.</i>

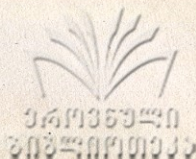
ᠶ᠋ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠶ᠋ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Они ходили	<i>Еджаръ ардахъ.</i>
Я хаживаль	<i>Ми хвизелалдасъ.</i>
Ты хаживаль	<i>Си хизелалдасъ.</i>
Онъ хаживаль	<i>Еджа изелалда.</i>
Мы хаживали	<i>На хвизелалдатъ.</i>
Вы хаживали	<i>Ся хизелалдатъ.</i>
Они хаживали	<i>Еджаръ изелалдахъ.</i>
Я пойду	<i>Ми гури.</i>
Ты пойдешь	<i>Си гури.</i>
Онъ пойдетъ	<i>Еджа гури.</i>
Мы пойдемъ	<i>На гуратъ.</i>
Вы пойдете	<i>Ся гуритъ.</i>
Они пойду	<i>Еджаръ гурихъ.</i>
Я буду ходить	<i>Ми хвизелални.</i>
Ты будешь ходить	<i>Си хизелални.</i>
Онъ будетъ ходить	<i>Еджа изелални.</i>
Мы будемъ ходить	<i>На хвизелалнытъ.</i>
Вы будете ходить	<i>Ся хизелалнытъ.</i>
Они будутъ ходить	<i>Еджаръ изелалныхъ.</i>
Ходи ты	<i>Хизелалдасъ си.</i>
Пусть онъ ходитъ	<i>Изелалдедсъ еджа.</i>
Ходите вы	<i>Хизелалдатъ ся.</i>
Пусть они ходятъ	<i>Изелалдедхъ еджаръ.</i>
Быть т. е. находиться	<i>Лирде.</i>
Я нахожусь	<i>Ми хвари.</i>
Ты находишься	<i>Си хори.</i>
Онъ находится	<i>Еджа ори.</i>
Мы находимся	<i>На хворить.</i>
Вы находитесь	<i>Ся хорить.</i>
Они находятся	<i>Еджаръ арихъ.</i>
Я находился	<i>Ми хвардъ.</i>
Ты находился	<i>Си хардъ.</i>
Онъ находился	<i>Еджи арда.</i>
Мы находились	<i>На хвордатъ.</i>
Вы находились	<i>Ся хордатъ.</i>

Они находились . . .	<i>Еджаръ ардакъ.</i>
Я буду находиться . .	<i>Ми хвирди.</i>
Ты будешь находиться	<i>Си хирди.</i>
Онъ будетъ находиться	<i>Еджа ирди.</i>
Мы будемъ находиться	<i>На хвирдить.</i>
Вы будете находиться	<i>Ся хирдить.</i>
Они будутъ находиться	<i>Еджаръ ирдихъ.</i>
Находишь ты	<i>Хардаеъ си.</i>
Пусть онъ находится.	<i>Ардетеъ еджа.</i>
Находитесь вы	<i>Хардатеъ ся.</i>
Пусть они находятся.	<i>Ардетхъ еджаръ.</i>

Пить	<i>Литре.</i>
Я пью	<i>Ми хутре.</i>
Ты пьешь	<i>Си хтре.</i>
Онъ пьетъ	<i>Еджа итре.</i>
Мы пьемъ	<i>На хутредъ.</i>
Вы пьете	<i>Ся хтредъ.</i>
Они пьютъ	<i>Еджаръ итрехъ.</i>
Я пилъ	<i>Ми мишва.</i>
Ты пилъ	<i>Си джишва.</i>
Онъ пилъ	<i>Еджаеъ хошва.</i>
Мы пили	<i>На гишва.</i>
Вы пили	<i>Ся джвишвахъ.</i>
Они пили	<i>Еджаре хошвахъ.</i>
Я буду пить	<i>Ми лахвтре.</i>
Ты будешь пить	<i>Си лахтре.</i>
Онъ будетъ пить	<i>Еджа лайтре.</i>
Мы будемъ пить	<i>На лавтредъ.</i>
Вы будете пить	<i>Ся лахтредъ.</i>
Они будутъ пить	<i>Еджаръ лайтрехъ.</i>
Пей ты	<i>Лакшъ си.</i>
Пусть онъ пьетъ	<i>Лайтеъ еджнемъ.</i>
Пейте вы	<i>Лакшидъ ся.</i>
Пусть они пьютъ	<i>Лайшехъ еджардъ.</i>

Бѣтъ	Хвизби.
Я тмъ	Ми хвизби.
Ты тнѣ	Си хизби.
Онъ тсть	Еджа изби.
Мы тдимъ	На хвизбидъ.
Вы тдите	Ся хизбидъ.
Они тдятъ	Еджаръ избихъ.
Я тлъ	Ми лохамъ.
Ты тлъ	Си лохамъ.
Онъ тлъ	Еджемъ лалемъ.
Мы тли	На лохемдъ.
Вы тли	Ся лахемдъ.
Они тли	Еджаръ лалемхъ.
Я буду тсть	Ми лохзвѣбне.
Ты будешь тсть	Си лохзвѣбне.
Онъ будетъ тсть	Еджа лайзвѣбне.
Мы будемъ тсть	На лохзвѣбнетъ.
Вы будете тсть	Ся лахзвѣбнетъ.
Они будутъ тсть	Еджардъ лалемхъ.
Тшь — ты	Лахамъ си.
Пусть онъ тсть	Доламасъ еджемъ.
Тшьте вы	Дохемдъ ся.
Пусть они тдятъ	Далемахъ еджардъ.

Молитва Отче нашъ!

«Му нишгве! хедвай хари дець жи, игкиланъ лесесъ жахе иггу, анкесъ липустъ иггу, лесесъ набъ иггу хема дець жи амжи гимжи. Нишгве кунемъ муцвре дiаръ лано на лади и сга ланцвръ гадацъ нишгве, хамуай най лохцивредъ нишге могданасъ. Номанпуше холамъ гуаштейсга и кинидхъ кяджихешмай ханка. Аминъ.»

Изъ приведенныхъ примѣровъ оказывается, что третья только часть выписанныхъ словъ имѣетъ свой источникъ

въ грузинскомъ языкѣ; прочія же слова, сколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ сходства съ другими кавказскими нарѣчїями. Грузинскія же выраженїя очевидно перешли къ Сванетамъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, а впоследствии по случаю частыхъ браковъ Сванетовъ съ Имеретинками и Мингрельками. Такіе браки сдѣлались необходимымъ послѣдствіемъ вкоренившагося въ Сванетїи звѣрскаго обычая умерщвлять дѣтей женскаго пола. Отъ прочихъ своихъ сосѣдей: Цебельдинцевъ, Карачаевцевъ и Балкарцевъ, несмотря на частыя сношенїя, Сванеты словъ почти не заимствовали, чему служитъ доказательствомъ, что въ представляемомъ краткомъ словарѣ всего только два слова Цебельдинскихъ т. е. Абхазскихъ и одно Карачаевское.

2-ე ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ 1.

სეყფედი
ჟღე რხფნე ჯ *a)*
ხაფხენე: ოფჟნ ჯ-
ენე ხაფენე ჟ *b)*
ფენედიფენე ჯჟ
ენეოენე უჟჟე უჟ
ენენეფ უჟჟე[ჟჟ] რჟ-
ენე რა ფენენე-
ენე[ოფ] ონ უჟჟენე-
ონ:

«Объ буквы, отмѣченныя латинскими *a* и *b*, вовсе не должны-бы тутъ находиться. (*)»

«Церковь, въ которой найдена эта надпись, если судить по ея рисунку, имѣетъ три отдѣла (nefs) изъ которыхъ средний выступаетъ спаружи надъ двумя боковыми; кровля надней вѣчается небольшимъ четверугольнымъ куполомъ,

(*) Замѣчаніе это, также какъ и всѣ послѣдующія, принадлежить ученому грузинологу, Академику Броссе. Заимствуемъ ихъ здѣсь изъ его записки, читанной въ Академіи наукъ 14-го Октябрю 1853 года, и напечатанной въ Bulletin de la classe des Sciences historiques et philologiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg.

окончивающимся пирамидономъ. Размеры церкви неизвѣстны; но въ Уплисѣ-Цихе я видѣлъ церковь, построенную изъ кирпича и, по формѣ, весьма схожую съ церковью Св. Квирикк. Форма эта довольно часто встрѣчается въ Грузіи: она не красива, но необходима для прочности центрального отдѣла храма.»

№ 2.

ቀ. ሕዕነግጋሮ ኛኛኛ ገጠ ገነገሩ ሊህሩ ነዋሩ-
ታህሩ ዮሐ-
ሊዩ ሕዕታዕዳህህ ሕነገታ ሌኛጌዕጌዋግህሩፀ ፀሩ
ሌኛሌታሩ-
ፀ ሌህህሩ ዮሐህሩ ፀበህሩ ሕ ሊኛዩነግግዩ-
ዋህህህህህ ዮግሕነ-
ፀሩ ዕቀታዕነግግሩ ፀሩ ዋግጌዩነግግሩ

«Эта надпись находится надъ изображеніемъ лежащаго воина. Конецъ надписи нѣсколько ниже, близъ меча:

ዋግግህህህህ
ዕቀታዕቀታዕቀ (sic)
ሕግግፀህህህህ
ፀ [ሩ]:

«Рукою золотыхъ дѣлъ мастера Окро.»

«Какъ изображеніе царя Діоклитіана, такъ и надпись должны относиться къ какой нибудь чертѣ изъ жизни Св. Георгія Каппадокійскаго, который дѣйствительно былъ замученъ во времена Римскаго Императора Діоклитіана.»

№ 3.

ΔΕΣΠΟΙΝΑ ΑΓΙΗ ΠΑΡΘΕΝΕ ΠΑΝΑΓΙΑ
Η ΤΟΝ ΚΤΙΣΤΗΝ ΤΙΚΤΟΥΣΑ ΚΤΙΣΕΩΣ ΠΑ-
ΣΗΣ

СЕ ΖΩΓΡΑΦΟΥΣΑ ΚΑΡΔΙΑΚΩ ΤΩ ΠΟΘΩ
 ΚΑΙ ΚΟΣΜΟΝ ΚΟΣΜΩ ΕΚ ΧΡΥΣΑΡΓΑΟΥ ΕΝΗΣ ΠΧ
 ΜΑΡΙΑ Η ΔΟΥΛΗ ΣΟΥ ΦΩΤΟΣ ΝΕΦΕΛΗ
 ΚΑΙ ΚΟΣΜΟΝ ΖΗΤΩ ΨΥΧΙΚΗΣ ΕΥΚΟΣΜΙ[ΑC]
 ΜΑΡΙΑΜ ΚΥΡΙΑ ΤΕ ΠΑΣΩΝ ΓΥΝΑΙΩΝ (sic).
 ΤΩΝ ΑΧΕΙ ΜΕ ΣΥΝ ΤΑΞΟΝΙΟ ΤΩΝ ΔΙΚΑΙΩΝ

«Здѣсь я замѣчаю, что всѣ слова въ оригиналѣ написаны безъ всякаго раздѣленія; буквы поставлены одна на другую или связаны между собою. На четвертой строкѣ предпоследнее слово должно читаться *χρυσαργυρου*; что касается до двухъ крайнихъ группъ, то верхняя читается ΕΝΗΣ; нижняя же, ΠΧ, часто встрѣчается въ греческихъ надписяхъ. На первой страницѣ Греческаго Евангелія, найденнаго Г. Бартоломеемъ въ церкви Св. Квирики, я нахожу группу ΠΧ ΡΜΕ, которая, мнѣ кажется, должна означать число. Если моя догадка вѣрна, то я буду читать здѣсь 1^о ΡΜΕ *προς χιλιοις* «145 свыше тысячелѣтій,» т. е. 6145 отъ сотворенія міра или 637 отъ Р. X., 2^о ΕΝΗΣ *προς χιλιοις* «въ 208 свыше тысячелѣтій,» т. е. въ 6208 г. отъ сотворенія міра или въ 700-мъ отъ Р. X. Въ 6-ой строкѣ двухъ последнихъ буквъ [ΑC] совершенно не имѣется. Въ 8-ой строкѣ: членъ отброшенъ сюда, по оплошности, отъ предшествующей строки; что касается до слѣдующаго слова, то это должно бы быть: ΔΕΧΟΥ; далѣе смыслъ требуетъ, чтобы было ΤΑΞΕΕCΙΝ. И такъ выходитъ, что этотъ образъ былъ заказанъ нѣкою *Μαριέю* или *Μαριαμъ* (грузин. форма) въ 700-мъ году по Р. X. (?)» (*)

(*) Съ этимъ предположеніемъ П. Бартоломей не соглашается; онъ полагаетъ, что въ этой надписи вовсе нѣтъ указанія года; по характеру же буквъ она должна быть отнесена не къ 7-му, а къ 14 или 15-му столѣтію

№ 4.

† ԲՕ ՄԻ ԺԷՅՕ-
ԴԹԻՆԷՕ ԿԴՕ-
Է ԾԷ ԿՓԷԺԴ-
ԴԵ ԿԴԿԷԴ

« Я съ трудомъ пытаюсь возстановить имя собственное, находящееся въ послѣднихъ строкахъ: такъ сильно повреждено оно. Но не будетъ-ли это *Ջոժժոյ* «Джикадзе» фамильное имя, которое я встрѣчалъ на некоторыхъ памятникахъ въ Имеретіи? Въ послѣднемъ случаѣ конецъ предыдущей строки будетъ читаться *Յյնն*, и мы по крайней мѣрѣ получимъ фамильное имя того, кто заказалъ сдѣлать образъ.»

№ 5.

Ժ. ՕՕ. ԲՕ ԻԷԿ...ՕՎ ԺԿԷ-
Օ ՕՓԻՆԷՕ.....ԺՕԿԴԵԿԷԸ
ՄԻԲՕԾ..... Է ԺԿԷ-
Ծ ԲԴ ԿԻՆԷ ԿԻ..... ՕԷ ԿԴԺԿԴԸ
ԾՈՊԵԷ ՄԷԸԸԿԻԴ....ԷԴԻՆԷՆԷ ԿՕՆԷ-
ԴԵՆ ՅԴԸՆԷ Ժ.....ԷԿԺԿԵՆ ԷՄԺ-
ԻԷԸԻՆ.....ԺԴԵՆ.

«Имя Камкана, — впрочемъ исторически неизвѣстное, находится еще въ одной Хертвиской надписи XV вѣка. Слѣдующее за тѣмъ слово можетъ быть также переведено: «сынъ Тигриана или Тагріана.»—

№ 6.

Ժ. ԻԸ ԿԴԹ ԿՓԿԸ ԷՆԴԴԵԸԾԺԴ ԺԴԿԸ
ԿՓԻՆԷ
ԿԴՕԸԻՆԿԸ ԲԷԺԿՕԴԴԴԸ ԿԷԷԴԴԻԴ ԵՆԺԻ
ՊԵԴ

ԵՎԵՆԿՅՈՒՎԵԾ ԲՆԾԻՆԷ ԲԺԺԻՆԷ ՅԻՆԷ
 ԲԿԵ ԵՕԻԿՆ ՄԵՔԵՆԻՆԵՕ ԷՔ ՕԿԻ ԿԻՎԻ-
 ԴՐԷ ՕՇԻՆԻԴ ԵԿՕՍԻՎԻՆԷ ՈՂԵԴՐՆԵ
 ՕԴԻՎԵԾ ԾԷԿԻԵՂԴԴ ԴԷ ԿՆԻ ՕԻ ԿՆԻԴԷ
 ՈՎԵՆԵ ԾԷ ԴՂՄՍԻՆԷ ԷԻ: ԿԿԵՆ ԵՍԴ:

«Въ этой надписи цифры единиць, въ пасхальномъ счисленіи, оставляють насъ въ сильномъ сомнѣніи. Однакожь, такъ какъ царь Александре II царствовалъ въ Кахетіи между 272—1574 и 295—1605, и такъ какъ промежутокъ между 280—1592—1602 составляетъ единственное время, къ которому можетъ быть отнесено приношеніе этого царя, то я и не вижу причины, почему-бы не отнести это событіе, соображаясь съ уцѣлѣвшими цифрами единиць, къ 286—1598 г.: Если и будетъ ошибка, то не важная.» (*)

№ 7.

Կ ՄԴԿՕՎԲԻԺԴ ԵՆԺԻ ՂԵՂ ԻՐ ԿՆԿՐԷ ԿԴ-
 ՍԷՔԺՕԻԿԿԻ ԾՐ ԾԿԻ (ԵՄՐ ԵԿՕԵՆ) ԲԿԻ-
 ԾՆՐ ԿԺԷԴԷԺ Է-

(*) Къ этому замѣчанію ученаго Академика должно быть прибавлено еще слѣдующее замѣчаніе полк. Бартоломея: «Я тутъ въ первый разъ нашелъ надпись на колоколѣ, и совершенно неожиданно, потому что во всемъ Закавказьи почти нѣтъ колоколовъ съ древними надписями; но я очень сожалею, что слѣдаль это открытіе такъ поздно; иначе обратилъ-бы вниманіе на колокола Кальскаго, Ипарскаго, Цюрмійскаго и Эльскаго обществъ и вѣроятно нашелъ-бы на нихъ надписи, не менѣе замѣчательныя.»

ԵՂՊԵՆԹԷ ԾՈՊԹԷ ԻԲԹԷ ԼԷԾՈՂՄԺԺՈՅ
 ԾԷ ԶՓՎԻ-
 ԼԷ ԻԵՆԷ ԲԺԵԿԺԹՎՆԷԾ:

« Тутъ встрѣчается имя Давида, царя Кахетин, который свергнулъ съ престола отца своего, (Александра II) и шесть мѣсяцевъ царствовалъ послѣ него, въ 1603 году, или, по русскимъ лѣтописямъ, 11 мѣсяцевъ, отъ ноября 1601 до 3-го Октября 1602. Такимъ образомъ приношеніе этимъ царемъ колокола должно быть отнесено къ этому промежутку времени; см. Bull. hist. phil. t. II, p. 297 sqq.

№ 8.

ԶՂ ՄՆԷԿԿԿԻ ԸԲ-
 ԲՕԻՆ ԸՂՄԺՆԻ Ի-
 ՄԸ ԼՂՊՊԵԷ ԻՅԼԷ
 ԶԻԸՂՄԺՆԷ ԾՂՂ
 ԻՕԿԺԻ ԿԵԿ ԾԷ-
 ԿԵԿՂ ԾԷ ԲԾԵ ԶԻ [ԵԸԺԵԷ]
 ՄԿԵԵԺՂ ԾԷ ԲԸԸԻ
 ՊԵՂ ՄԿԿԿԻ ՊԿՆԵ [ԻԷԼԷ]
 ԸՅԼԷ ԾԸՕԵԵՂ
 ԼԿԵԺԾ ԼՆԵԷ ԻԿԻԷ
 ԿԻԵԸԷ ԿԵԻԵՆ Բ-
 ԿԵԸԺՎԻ ՊԵՂ ՄՂԸ-
 ԿՆԵ ԲԾԵ ԶԻԷ (ԵԸ) ԺԼԷ
 .ԸԾԿԵԽՊԻ. ՊԵՂ Բ
 ..Է ԾՈՆ ԿԵ ՄԵԿԿԻ-
 ..ԲԿԵԼԷ ԸԿԻ:

« До сихъ поръ я еще не отыскалъ эпохи Антонія Цагереля, — но эта надпись начертана прекрасными

буквами. Не смѣю утверждать, чтобы ИШТ., ^{название} владѣнія принесеннаго въ даръ Антоніемъ, — было здѣсь прописано въ полномъ видѣ. Въ этой же церкви находится удилъ и топоръ, будто бы принадлежавшіе царичѣ Тамарѣ. Въ Мингрельской Сванетіи я самъ видѣлъ подобныя драгоцѣнныя остатки. См. X Part. p. 50.»

№ 9.

ԲՅ Ի-

ՕԿԷ

ԴԲԺԻ-

ԵԷ

ՅԻՄԷԴ-

Ժ ՇԻՄԴ-

ԴՕՆԻՕ-

ՈԺԿԵԷ.

«Св. Іона Латарскій.»

«Архангелъ Угарскій.»

ՕՎԴ-

ԲՅ ՄԻ

ՃԻԿԴ-

ԵԿԿԵԷ

ԺԻ ՈԴ-

«Св. Георгій Сетійскій.»

ՅԻ ԴԺԴՕ-

ՎԿԵԵԷ Կ-

ԿԿԵԷ ՎԴ-

ՃԻԿԴԺԵԷ

ԴՕՅԻ ՃԷ ՃԺ-

ՕՄԿ ԴՇԿԻ

ՃԺՕՄԴՕ ՕԺ-

ԴԿԴ ՃԿՃԿԵԷ

ՅՕԿԵԷԺԵԷ

ԻԿԿԵԷ ՄՄԴ

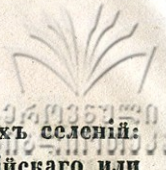
ԿՕՆ ԺԵԷ-

ՄԷԿ ՅՕԿ-

ԵԿԿԿ

ՎԵԿԻ:

«Такимъ образомъ (изъ перевода надписи на знамени)

видно, что оно было символомъ соединенія трехъ еселеній: Латарскаго, Угарскаго или Угрійскаго (*) и Сетійскаго или Сетскаго; Святые, заступники этихъ деревень, представлены на обѣихъ сторонахъ копыя, которымъ завершается знамя: другіе примѣры подобныхъ союзовъ между обществами я находилъ въ церквахъ Мингрельской Сванетіи. Чтобы найти какой нибудь смыслъ въ концѣ надписи, я долженъ былъ прибавить слово *Пожертвовано*, а послѣднія четыре буквы прочитатъ **ՕՓԻՆ**.» (**)

№ 10.

ՀԾՆԾԻՆԸ ՈՒ ԶՓԹ ԶՓԴ ՄԻ ԾՆ ԾԾՓԵԹ
 ԾԾՓԻՆԻ
 ԺՕԵԾԻ ԺԴ ԶԹԻ ՎԼԺԲ ԺՕԵԾՆ ՄԴՆԶ-
 ԿԻՆԸ
 ԲԻՆ ՊԵՂ ԶԵԿԺԻՆԸ ԶՕԵՆԸ ԵԾՈՎԺԵԾ
 ԵԻԹՆ ԶԹԹ ՄԵԾ-
 ՎԵԾ ԶԻՆԻ ՕԳԺԶԾԻՆԻ ԻԻԻՆ

«Здѣсь идетъ рѣчь о Георгіѣ II, Имеретинскомъ, вступившемъ, въ 1563 году, въ супружество съ Русуданой Шарвашидзе; сынъ его Багратъ не царствовалъ. Это тѣ же самыя лица, портреты которыхъ украшаютъ сѣверную стѣну большаго Гелатскаго храма (см. XI Rapp. стр. 13.) и недавно воспроизведены въ «Caucase pittoresque» Кн. Гагарина.»

(*) По замѣчанію Г. Бартоломея, имя Угрійскаго общества теперь не известно въ Сванетіи; но, по соединеніи Латарскаго общества съ Местійскимъ, нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ Угрійскаго должно разумѣть нынѣшнее Ленджерское.

(**) Къ этому замѣчанію Г. Бартоломей прибавляетъ: «... въ длинной надписи, въ 6-й строкѣ, пропущено слово **ԵԻՆԿԻՐԻՆԸ**. Въ этомъ пропускѣ виноватъ, вѣроятно, я самъ, пропустивъ означенное слово въ копіи, сообщенной мною Г-ну Броссе.»

Примлч. Ред.

ჩვენ ჩემოთქმის წარმოების წინააღმდეგ
მეცნიერებას დასწრის დასწრის წინააღმდეგ
დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის
დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის
დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის დასწრის

«Выше мы уже видели подобныя же приношенія, и отъ того же самаго царя Александра,—церквамъ Латальскимъ и Ленджерскимъ.

«Таковы археологическія сокровища, собранныя въ Сванетіи полковникомъ Бартоломеемъ. Много еще остается неразысканнаго въ Вольной Сванетіи; но, во всякомъ случаѣ, изъ маршрута нашего антикварія видно, что онъ отъ самыхъ дальнихъ истоковъ Ингура проникъ до истоковъ его главнаго сѣвернаго притока, — т. е. изслѣдовалъ страну, конечно, весьма мало извѣстную. Еслибы къ жатвѣ полковника Бартоломея можно было прибавить свѣдѣнія отъ князя Дадшкиліана, собравъ ихъ въ странѣ, подвластной его фамиліи,—то мы имѣли-бы полное обзорѣніе столь интересныхъ Сванетскихъ древностей.»

Далѣе г. Броссе, разсуждая о Сванетскихъ древностяхъ вообще,—между прочимъ говорить :

«Будучи посѣщена впервые Европейцемъ-Археологомъ, Вольная Сванетія оказалась во многомъ схожею съ Мингрельскою Сванетіей, — но, однакожъ, съ замѣчательными различіями: въ обѣихъ—изобиліе небольшихъ храмовъ и еще большее изобиліе грузинскихъ надписей, что служитъ доказательствомъ, что Христіанство проникло туда изъ Грузіи. Но въ Вольной Сванетіи нѣтъ ни большихъ крестовъ, ни пригорковъ, на которыхъ ставятся эти кресты, и которые встрѣчаются въ Илорц, Рачѣ и во всей Мингрельской Сванетіи; иконы не такъ многочисленны, но гораздо богаче въ матеріальномъ отношеніи; здѣсь

всѣ надписи чисто мѣстныя и не свидѣтельствуютъ ни объ имени общества или долины въ которыхъ находятся, ни о правителяхъ или какихъ нибудь правительственныхъ лицахъ, по заказу коихъ онѣ были сдѣланы, — но указываютъ только на имена частныхъ жертвователей, желавшихъ приношеніемъ удовлетворить своему благочестію, — да еще говорятъ о двухъ иноземныхъ царяхъ, жившихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія... Не замѣчательно-ли, что престарѣлый царь Александръ II, Кахетинскій, молитъ о покровительствѣ пророка Іону, въ Латаля, и дѣлаетъ ему приношеніе въ Адышъ, тогда какъ отвергающій законы природы сынъ его — прибѣгаетъ къ покровительству Св. Архангеловъ въ соседнемъ селеніи, какъ-бы для того, чтобы *противувѣсиль* силу молитвъ своего отца?! Какая матеріальная причина побудила ихъ обратиться въ эту сторону съ своими моленіями и обѣтами? Не та-ли, что дочь Александре II въ 1591 году вышла замужъ за дадіана-Манучара? Георгій II, Имеретинскій, во второй половинѣ XVI вѣка, и Багратъ IV — XVII-го вѣка также упомянуты на разныхъ предметахъ, принадлежащихъ Латальской церкви.

«Изъ этихъ же надписей обнаруживается замѣчательная черта нравовъ; это: существованіе религіознаго союза между обществами Латальскимъ, Угарскимъ и Сетійскимъ, союза, изображаемаго соединеніемъ патроновъ или заступниковъ всѣхъ поименованныхъ обществъ на одномъ общемъ знамени, которое они, конечно, не во время молебствій носили предъ собою. | Имя епископа Цагерскаго, оставшееся на Латальской иконѣ, а также феномень землетрясенія, въ церкви Св. Квирики, въ Кальскомъ Обществѣ, — были бы весьма интересны для хронологіи, если бы времена, соответствующія имъ, были опредѣлены съ достовѣрностью... | Наконецъ; нельзя воздержаться отъ улыбки, видя, какъ простодушные Ленджерцы украсили свою церковь фресками, которыхъ сюжеты заимствованы изъ самаго героическаго романа. ✓

«Что скажутъ также эллинисты объ этомъ прекрасномъ Греческомъ Евангеліи, которое сохранилось въ церкви Св. Квирики; о великолѣпной иконѣ съ греческими легендами, изъ того же храма и изъ Ланлаха; о любопытной Кальской греческой надписи? А славянисты — что скажутъ объ образѣ съ русскою надписью? Что, наконецъ, подумаютъ любители грузинскаго языка объ этихъ многочисленныхъ рукописяхъ, писанныхъ заглавными буквами, которыя видѣлъ г. Бартоломей какъ бы для того, чтобы подтвердить показанія договора крови Джапаридзе, составленнаго въ XV вѣкѣ, и заключающаго въ себѣ наименованія столькихъ книгъ? Ужь въ одномъ только этомъ отношеніи Вольная Сванетія заслуживаетъ, чтобы ее посетили еще разъ, также какъ и Княжескую, гдѣ уже найдена прекрасная рукопись X вѣка, о которой говорилъ я въ моемъ «Путешествіи» (См. I Варр. р. 5)...»

Отъ Редакціи.

Обанчивая печатаніемъ сочиненіе полковника Бартоломея, Редакція Записокъ получила отъ автора слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія и замѣчанія: «Тамъ, гдѣ я говорю о сходствѣ Дадаша Курдіани съ портретомъ одного изъ Малороссійскихъ Гетмановъ» (пишетъ намъ авторъ) «слѣдуетъ дополнить, что мнѣ случалось слышать на Кавказѣ, будто въ Вольной Сванетіи, въ Муллахѣ, живутъ потомки Запорожцевъ, бѣжавшіе туда неизвѣстно въ какое время. На одной изъ старинныхъ картъ Кавказа я даже видѣлъ въ верховьяхъ Ингура надпись: *Мулахи* или *Запорожцы*. Но кромѣ случайнаго сходства Дадаша Курдіани, о которомъ я упомянулъ, и которое, конечно, ничего не доказываетъ, — въ Муллахскомъ обществѣ нѣтъ никакого признака, отличающаго здѣшнихъ Сванетовъ отъ жителей прочихъ Сванетскихъ обществъ въ верховьяхъ Ингура и Цхенисцхали. Что касается до происхожденія

Сванетовъ вообще, то я полагаю, что они *особое горное* племя и не могу согласиться съ укоренившимся *мѣстн-* емъ, будто Сванеты *ничто иное*, какъ одичалые Грузины. Можетъ быть, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ кавказскихъ языковъ, Сванетовъ можно будетъ отнести или приурочить къ какимъ либо другимъ племенамъ или открыть между ними родство...

«Для тѣхъ изъ читателей, которые заинтересованы замѣчательной личностью Дадаша-Курдіани, я долженъ прибавить, что наше Правительство обратило вниманіе на полезныя дѣйствія этого азнаура, а также священника Георгія Гульбани. Первый, послѣ моей поѣздки, получилъ Орденъ Св. Анны и пожизненный пенсіонъ, а послѣдній—единовременную денежную награду.»
